

СЕРГЕЙ ЛУЦКИЙ

МЕЖСЕЗОНЬЕ

ПОВЕСТЬ

“Здесь, — думает он, останавливаясь в тёмном тамбуре. — Пикнуть не успеешь. И не услышит никто”.

Место, в самом деле, было удобное. Свет с лестничной площадки сюда не достаёт — его отсекает внутренняя дверь тамбура. Темнота полная. Входящего с улицы видно, а того, кто может здесь поджидать, — нет.

Один удар по голове — и кранты. Или из пистолега с глушителем, сейчас это запросто. По телевизору чуть ли не каждый день рассказывают.

Айтышев привычным движением толкает наружную дверь. В глаза бьёт яркий весенний день. В ноздри врываются запахи оттаявших смолистых стен их двухэтажной “деревяшки”, легковушек под окнами, воньца недалёкого контейнера с крупными буквами ТБО. Но всё перекрывает мощный дух кедрачей и ельников, подступающих к посёлку. Пока.

Айтышев вдыхает живой апрельский воздух. Этот месяц, первый по-настоящему весенний в их местах, он любит. Впереди распутица, из посёлка можно будет выбраться только на вертолёте, зато весна. Досадно лишь, что из-под снега вылезает накопившаяся за долгую зиму дрянь: порванные целлофановые пакеты, банки из-под пива, обёртки от сникерсов и чипсов. Бардака Айтышев не переносит. Хоть иди и сам убирай. Но снега во дворе ещё полно — утонешь.

ЛУЦКИЙ Сергей Артёмович родился в 1945 году на Украине. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Работал в Госкомиздате РСФСР, Литературной консультации Союза писателей СССР, Министерстве печати России. Автор нескольких сборников прозы, его произведения переводились на украинский и арабский языки, а также на язык дари (Афганистан). Лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа по литературе. С 1994 года живёт в с. Больше-тархово Нижневартовского района.

Он оглядывается на входную дверь. Надо носить с собой фонарик. В случае чего светить в глаза, ослепить. Ему самому понятно, насколько это смешно, по-детски, но на какое-то время становится всё же спокойней.

Их “деревяшка”, как отражающий экран: что происходит с той стороны дома, не видно и не слышно. “А вдруг?..” — думает Айтышев. Он и оделся, чтобы пойти посмотреть, как там, за домом. Всё-таки сегодня общепоселковое собрание, приедет начальство из райцентра, должны прекратить. На носу выборы, конфликтовать с людьми власти ни к чему.

Ещё у глухого, без окон, торца “деревяшки” Айтышев понял, что кедрач продолжают валить. Стал слышен звук работающей техники, а когда Айтышев оказался с обратной стороны “деревяшки”, стало видно, как за узкой полосой леса вдруг подпрыгивает верхушка кедра и тут же клонится, исчезает за другими деревьями.

У Айтышева каменеют желваки.

Скоты, ничего не боятся!..

Крупным решительным шагом он направился к гриве. Он здесь, и все должно перемениться. Откуда такая уверенность — неизвестно, но она переполняет Айтышева, заставляет раздуваться ноздри.

— Стой! — кричит он и поднимает кверху руки, скрещивает над головой. — Стой, сказал!..

В лесу по-зимнему полно снега, весны почти не чувствуется. Разве что мороз не давит и запахи сильнее. Чадающий и громыхающий монстр доделывает операцию, дисковые пилы с визгом срезают на стволе сучья. Потом голый и прямой, как карандаш, ствол укладывается на лесовоз. Лишь после этого валочная машина замолкает, из кабины выглядывает оператор в оранжевом комбинезоне, бросает:

— Подожди, я сейчас!

Айтышев тяжело смотрит на приближающегося оператора. Молодой, со вести у таких мало.

— Тебе сколько надо? — опережает парень. Голос приглушённый, оператор воровато оглядывается на не до конца загруженный лесовоз.

— В смысле? — не понимает Айтышев, на секунду-другую его застал сбит.

— Сколько хлыстов надо, говорю? Кедр, ель, сосна?.. — До Айтышева доходит. Кровь ударяет в голову.

— Заткнуть рот хотите?! Взятку предлагаете?! — звереет он. — Не купите! Так и скажи тому, кто послал!..

Оператор пожимает плечами:

— Ваши мужики подходят, договариваемся. А чего, нормально. Думал, ты тоже.

Он поворачивается и уходит. Оранжевый комбинезон ярким пятном выделяется на фоне срезанных, в лохматой хвое сучьев и свежих, похожих на открытые раны, пней. Земля и снег перемешаны, перемолоты гусеницами и колесами техники.

Айтышева трясёт от обиды и злости. Давно его так не унижали.

2

Первым про кедрач узнал Кузьмич. Он и позвонил дней десять назад:

— Валерка, ты? Слушай, здесь кедрач валят... Какой, какой — ближний! Надо чего-нито делать, а то поздно будет... Ты слышишь меня? Чего молчишь?

Позвонил Кузьмич не вовремя. Олечка, младший сын, только что ушёл в школу, они с женой остались одни, и Айтышев решил использовать момент.

Вчера он вернулся с вахты, но пообщаться с Людмилой сразу не удалось. Несговорчивой она какой-то стала в последнее время, каждый раз находила причину. Понятно, возраст, но ведь и ему столько же, а интерес остался. Тем более, если две недели не видел женщины.

— Валерка, заснул? Кедрач, говорю, убирают! Куда за шишкой ходить будем? Мотор не у каждого, чтоб за увалы мотаться.

То, что Кузьмич панибратски называл его Валеркой, — ладно, он старше. Плохо было другое. Жена, воспользовавшись тем, что его отвлекли, закинула руки за спину и стала торопливо застёгивать бюстгальтер. При этом озабоченно поглядывала на часы и вполголоса приговаривала, дескать, совсем забыла, сегодня же на первый урок поставили замену, надо идти.

— А чего ты мне звонишь? — раздражённо сказал в трубку Айтышев. Не силой же Людмилу удерживать. — Есть глава администрации, ему звони!

— Звонил. Нету его, в район вызвали. А ты всё ж профсоюзный босс, человек авторитетный. Тебя должны послушаться.

Слова Кузьмича были приятны — помнят, что несколько лет подряд вышккомонтажники избирали его проффоргом. Но и лукавство в этих словах было: любят мужики на чужом хребте в рай въехать! Айтышев не раз замечал: выдвигая его куда-нибудь, за спиной перемигивались.

— Ага, босс... Накрылся профсоюз медным тазом. Кто кедрач валит?

— А хрен знает! Какая-то фирма.

Некоторое время Айтышев молчал, прислушиваясь, как Людмила возилась в прихожей с одеждой, как щёлкнул входной замок. Подумал, что предки были умные: несколько раз женились. Молодая жена так бы себя вести не стала. Во всех смыслах.

— Ну, так что?

— Сейчас подойду.

— В случае чего я в стайке.

Толковый он всё-таки был мужик, Николай Васильевич. Айтышев его не застал: когда приехал в посёлок, Свиридова уже забрали в Тюмень. Но только и слышно было: Николай Васильевич, Николай Васильевич... В семидесятые директор в геологоразведочной экспедиции — Бог и царь. Всё на нём — и производство, и посёлок.

Свиридов, говорят, сам это место выбрал. То, что на берегу реки, — понятно, иначе ни вышки на ремонт не доставить, ни технику — всё в их краях по воде. Зимой, правда, зимники по болотам среди чахлах сосенок прокладывают, но это временно. А летом и в межсезонье — река. Свиридов ещё и место выбрал так, чтобы материк полого сходил к воде: посёлок в разливы не затопит и не подмоет. Со строительным лесом тоже предусмотрел: урманы вокруг, к тому же охотиться можно.

Айтышев шёл по прямой, словно профиль у геофизиков, улице и одобритительно поглядывал по сторонам. Досада на жену как-то понемногу сгладилась. Если честно, и он уже не тот. Ещё год-два назад Людмила ни за что не отвертелась бы. Теперь начинаешь думать о том, на что раньше не обращал внимания, считал, что так и должно быть.

Всё у них в посёлке по уму. Ровные улицы, два бывших ОРСовских магазина — продовольственный и промтоварный, — баня, детский сад “Солнышко”, средняя школа... Понятно, не всё Свиридов сделал, были и другие хорошие директора, но основу заложил он. Потому до сих пор и вспоминают.

Этого козла не будут вспоминать!..

Навстречу ехал лоснящийся полировкой “Lexus”. Кто за тонированными стеклами — не разобрать, но Айтышев до хруста отвернул голову. Это была машина нынешнего директора экспедиции. Точнее, того, что от экспедиции осталось. Заказов на разведочное бурение почти нет, половина посёлка мается без работы, а у этого зарплата — триста тысяч. И ничего не сделаешь.

Айтышев не поверил, когда узнал о такой зарплате. Задал вопрос на профсоюзном собрании. Ответа не услышал, зато через пару недель его сократили. А некоторое время спустя разогнали и профсоюз. За это проголосовали сами рабочие. Конечно, тяжело голосовать по-другому, если из президиума смотрит директор и делает пометки в блокноте. Но Айтышев всё равно этого не понимал. Он тогда уже устроился охранником на месторождение, казался бы, не его дело. Получается, мужики сами себя кастрировали. Профсоюз в экспедиции был не особо смелый, но раньше они всё-таки могли рассчитывать, что заступится. А сейчас у этого полностью развязаны руки!..

Ещё один плюс Свиридову — выбрал обжитое место. Когда-то здесь стояла небольшая деревушка Никишкина. Наверное, первым поселился здесь какой-то Никишкин, отсюда и название деревни — Никишкина, а не Никишкино, как обычно бывает. Теперь от неё ничего не осталось, разве что дом Кузьмича у самого леса. Этот ещё сто лет простоит — из лиственницы.

От Кузьмичёва дома уже было хорошо слышно: за деревьями что-то происходит. Но что именно, неясно. Айтышев открыл калитку, прошёл к приземистой, будто присевшей в снегу стайке, заглянул внутрь. После слепящего на апрельском солнце снега здесь казалось темно. Пахло коровой и почему-то укропом.

— Кузьмич, ты где?

— Сейчас, — раздался из темноты голос. Вскоре появился и Кузьмич с ведром в руке. Укропом пахло из ведра. — Корова того гляди отелится. Пою, а то пучит, телёнка газы задавят... Ну, чего, пошли?

— Точно кедрач валят? — на всякий случай спросил Айтышев.

— Нет, шучу. — Кузьмич, высокий, худой, с морщинистым небритым лицом, посмотрел в сторону леса. — Погоди, я сейчас.

Бывая у Кузьмича, Айтышев всегда с интересом смотрел на крепкий бревенчатый дом, на стайку, на поленницу жарких берёзовых дров, на “Буран” под навесом. Настоящее деревенское хозяйство. Не скажешь, что это в посёлке геологоразведчиков.

Через минуту Кузьмич вышел из дома с ружьём. На удивлённый взгляд Айтышева сказал без улыбки:

— Чтоб уважали.

Оказалось, выяснять отношения они явились не первые. На поляне с бросающимися в глаза свежими пнями кроме лесовалочной машины стоял джип, а перед ним размахивала топором многодетная Валентина Галушко.

Молодой упитанный мужчина с серьгой в ухе показывал ей какие-то бумаги в прозрачном файле, хлопал по ним ладонью, но Валентина не унималась:

— Ты, что ли, мне орех дашь?! А брусничник подавили, он здесь хороший! А грибы!.. Чего я в город повезу, на что детей в школу собирать? Обнаглели, сволочи, до нас уже добрались! — Платок на голове женщины сбился, волосы растрепались, глаза злобно горели. Такая в самом деле зарубит! — Бумаги он показывает! Подотри свои бумаги! Порублю колёса на хрен!.. Всё мало им, никак не нахапаются. Чтоб вы подавились!..

Айтышев помедлил. Было неудобно за Галушко перед посторонним человеком. А с другой стороны, после Валентины проще разговаривать. Действительно, кто разрешил? Десятка три деревьев уже были свалены, а этот кедрач даже свои не трогали. Орех многим в посёлке помогал сводить концы с концами, особенно сейчас, когда экспедиция сидит без заказов. Прав Кузьмич: не у всех лодки, чтобы ездить за увалы, для многих только ближний кедрач доступен.

— Здравствуйте, — сказал он, подходя к джипу. — Вы кто и по какому праву валите лес?

Галушко сбоку закричала, перебивая:

— Какие у них права! Мы здесь живём, наш кедрач! Нету у них никаких прав, нехай уматывают!..

— Валентина, успокойся, разберёмся. — Укоризненно взглянув на женщину, Айтышев опять повернулся к молодому мужчине с серьгой в ухе. — Вопрос задан, мы ждём ответа.

— А вы кто?

— Представители общественности. Знать о происходящем — наша обязанность. Очень не хотелось бы доводить дело до конфликта. Люди настроены решительно. — И как бы невзначай Айтышев оглянулся на Кузьмича с ружьём.

Он чувствовал, всё у него выходит как надо, веско и достойно. Опыт — большое дело. Раньше он в подобных случаях горячился, начинал кричать и ругаться, а надо по-другому, спокойно, с умом.

То, что он теперь знает, как разговаривать с людьми, добавляло уверенности. Смешно, но после облома с женой уверенность была особенно нужна.

Молодой мужчина обрадовался:

— Слава богу, вменяемый человек!.. Я исполнительный директор акционерного общества. Мы выиграли тендер на заготовку деловой древесины на этой площади. Вот документы. — И он протянул прозрачный файл, который только что показывал Галушко. — Можете убедиться.

Айтышев заметил: кроме серьги, у молодого исполнительного директора полированные ногти, они мягко отсвечивали бесцветным лаком. Видеть это на мужских руках было так же неприятно, как и серьгу в ухе. Но Айтышев не подал вида.

— А почему нас, жителей посёлка, никто не спросил?

— А почему вас должны спрашивать? Лесные фонды принадлежат государству, оно само решает, как ими распоряжаться.

— Порублю! — опять заблажила Валентина Галушко и пошла на джип с топором.

Айтышев перехватил её. Держа за руки, повернул лицо к исполнительному директору:

— Советую немедленно прекратить. Пока глава администрации не подтвердит, что вы нам здесь наговорили, валить кедрач не позволим. Иначе я ни за что не ручаюсь.

— Вот именно, — вставил Кузьмич, снимая с плеча ружьё. — Сейчас ещё мужики подойдут. А я в историю посёлка этот факт запишу. На века останется!..

Исполнительный директор возмутился:

— Какая ещё история посёлка, бросьте меня пугать! Всё законно, вот документы. А за самоуправство можно ответить.

— Самоуправством занимаетесь вы. Повторяю, пока глава администрации не подтвердит, мы вам ничего делать не дадим.

Кузьмич с чувством плюнул под ноги:

— Ну, уроды! Даже во время войны кедрач не трогали, в урман за клёпками для бочек под рыбу ездили. Всё для фронта, всё для победы! — а не трогали!.. Ну, вот, мужики идут.

От посёлка действительно двигалось несколько человек. Некоторые, как Кузьмич, были с охотничьими ружьями.

— Это мы ещё посмотрим, — сбавил тон исполнительный директор. — Вы ещё пожалеете.

Утоная чуть ли не по пояс в снегу, он направился к лесовалочному агрегату. Тот выжидательно молчал с тех пор, как возле джипа появились Айтышев с Кузьмичом. Исполнительный директор что-то коротко сказал в приоткрывшуюся дверцу. Оператор в броском оранжевом комбинезоне выбрался из кабины и пересел в стоящий поблизости лесовоз. Обе машины, лесовоз и джип, двинулись к дороге из посёлка.

— В тувельках он приехал, фраер дешёвый! — мстительно закричала вслед многодетная Галушко. — Начерпал снега по самые помидоры! Отморозишь!..

Подошедшие мужики засмеялись, стали здороваться друг с другом за руку. Похоже, они жалели, что обошлось без них. Кузьмич, противным голоском передразнивая приезжего, принялся рассказывать, как было дело. Опять смеялись. Настроение у всех было приподнятое.

— Агрегат оставили, — заметил кто-то. — Вернутся.

— А хрен им на воротник! Неужели свой кедрач не отстоим? Да костями ляжем!..

Все согласились, что так оно и будет.

3

Лёня Соколкин был не то чтобы дурак, но с крепкой придурью. Заносило его довольно часто. Сейчас Лёня ходил перед зданием поселковой администрации и строго поглядывал по сторонам. На плечах у него лежало увесистое бревно.

— Я живу в свободной стране. Имею право, — сказал Лёня Кузьмичу, неудобно вывернув шею.

— А то! — легко согласился Кузьмич. — Не видал, Юрий Семёнович приехал?

Лёнино лицо расцвело, он был рад, что с ним заговорили. Лёня притопнул ногой, как делают солдаты в американских фильмах.

— Так точно, сэр! Мы должны быть в форме, свободу надо уметь защищать!.. — Продолжая дураковато улыбаться, Соколкин принялся приседать с бревном на плечах.

Айтышев вспомнил: такое же лицо у Лёни было, когда умерла его мать. Его в поселке жалели, говорили хорошие слова, утешали — и от общего внимания Лёня лыбился, чувствовал себя именинником.

По дороге от кедровой гривы мужики рассосались по домам, так что к администрации Айтышев и Кузьмич подошли вдвоём. Следовало толком всё узнать у Петлеванного. В здании было по-особому тихо, даже телефоны не звонили — похоже, глава ещё не вернулся. Что и подтвердила секретарь Наташа, оставив чашку с чаем.

— А когда будет?

— Точно сказать не могу. Юрий Семёнович, возможно, задержится в городе.

— Ну, вы даёте! Сидите здесь и ничего не знаете?.. Кедрач у них под носом рубят, а они сидят! Кончайте чай гонять, спасать кедрач надо, пока не поздно!.. — Кузьмич говорил с весёлой напористостью, присвистывая прогалами между оставшимися зубами, небритое лицо его было оживлено, настроение всё ещё оставалось боевым.

Грудастая Наташа смотрела непонимающе.

— Где? Какой кедрач?..

Айтышев отвёл взгляд. Всю жизнь, начиная с детдома, он среди русских, а кровь всё равно другая. Нужно было усилие, чтобы не смотреть на Наташину грудь. Айтышев заставил себя думать о том, что в администрации к нему относятся с уважением. Хотя он уже не вышкарь шестого разряда и не профорг, а всего лишь охранник на нефтяном месторождении. Это отвлекало от Наташиной груди и само по себе было приятно.

— Ну, что, Валерка, и мы по чайковскому вдарим? — сменил тему Кузьмич. — Наташ, мы подойдём после обеда. В случае чего, к Петлеванному первые.

— Хорошо, Михаил Кузьмич, обязательно.

Кузьмича здесь тоже уважали, а он давно пенсионер. Не каждый историю посёлка пишет, к нему даже из краеведческого музея из города приезжали. Но за “Валерку” при посторонних Айтышев на Кузьмича всё же покосился.

Об истории посёлка они и заговорили за чаем. Чаёвничали вдвоём, Кузьмич уже несколько лет как похоронил жену. Сначала, конечно, ещё раз обсудили то, что произошло в лесу. Прохиндей, сейчас таких до хрена, не на тех нарвался!.. Обычно Кузьмич избегал говорить об истории, отделялся намеками, но то, что оба были на гриве, сделало его откровенней.

Айтышев собирался услышать о метрах скважин, о лучших вышкарях и бурильщиках, о переходящем знамени министерства, которым экспедицию наградили в восемьдесят шестом. Так было бы понятно. За цифрами и именами труд, нервы, несчастные случаи — показатели давались тяжело, потом, а порой и кровью.

Но история Кузьмича была странная. Какая-то женщина отдала два пуда картошки, когда по реке возили эвакуированных из Ленинграда, — это ещё до посёлка, в деревне Никишкиной. К одному мужику пришли заказывать пимы, а он направил к соседу — у того пимы получались лучше, хотя деньги мужику были нужны. В охотничьей избушке на том берегу жил монах, лечил травами и молитвами. Говорил, где мои ноги пройдут, там плохого не будет...

— А чего это эвакуированных возили по реке? — Айтышев смотрел недоверчиво.

— Как — чего? У государства на всех не хватало — война, карточная система. На людей надеялись, от себя, дескать, оторвут, пожалеют доходяг.

— А монах откуда в здешних краях?

— Может, не монах — так рассказывали, я ещё пацаном был. Может, дезертир, дело во время войны было. С передовой, думаешь, не бегали? Эге, до самой Сибири добирались!..

Не зря Кузьмич темнил. Айтышев был озадачен.

— А ближе к нашему времени ты не писал? О Николае Васильевиче Свиридове, например.

Кузьмич принялся листать общую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке.

— Есть. Его ишшо Зверидовым называли. Крутой был мужик. Улицы нарезал — не считался, усадьба не усадьба, огород не огород. А сколько навоза в наш суглинок надо вбухать, чтоб рожал!.. Многие в Никишкиной хозяйством жили, огородами... Ну, лесом, конечно.

Айтышев пошевелил бровями. При почти седых волосах на голове брови у него все ещё оставались чёрными.

— На всех не угодишь. Стране была нужна нефть. Почему об этом не пишешь?

Кузьмич засмеялся, будто знал что-то, Айтышеву неизвестное. Его небритое лицо в сивой щетине сделалось хитрым.

— Ты в библиотеку пойди, газеты возьми — там о нефти... Хотя, думаю, подписки за те годы вряд ли сохранились, сожгли. А это... — Он закрыл тетрадь и с довольным, почти счастливым видом прихлопнул сверху ладонью. — Это останется! Это надолго. Может, навсегда.

Странный дед. Замызанная тетрадь с загнутыми кончиками листов — и навсегда!..

Встретиться в тот день с Петлеванным у них не получилось. Ещё не закончили чаёвничать, как заиграл мобильник. Звонила Людмила.

С полминуты выждав, Айтышев нажал кнопку приёма, хмуро спросил:

— Чего надо? — Пусть знает, муж недоволен.

Голос у Людмилы был заискивающий. Но, как оказалось, по другому поводу.

— Валер, зайди к Рустаму. Он болеет, температура, а в амбулаторию идти не хочет. Альфия беспокоится.

— Какой Рустам?.. Ты про Генку, что ли?

— Валер, перестань. Пусть будет Рустам, он взрослый мужчина, сам решает... Альфии он стесняется сказать. Что-то по мужской части. Зайди, прошу.

Татарин, блин!.. Имя, которое дали родители, ему не нравится, паспорт поменял, жену поменял. Ещё на него, отца, сваливал — типа, выжил Светку, придирался. А кто будет молчать, если невестка кастрюлями суп в унитаз выливала! Вчерашний, дескать. Он цену еде с детства знает, с детдома. Потом тоже ничего с неба само не падало. Это свой труд не уважать, заработанное на ветру, на морозе. Кожа на металле остаётся, если схватишься без рукавицы.

— Ладно, — буркнул Айтышев. Надо было идти. Всё-таки сын.

Генка жил не в “деревяшке”, а в двухэтажном коттедже на одну семью по улице Таёжной. В таких при Свиридове селили итээровцев и передовых бурильщиков. Первый этаж коттеджа теперь занимал магазин, принадлежавший Генкиному тестю. В магазин Айтышев и зашёл.

— Здравствуй, — сказал он Альфии. — Где больной?

Невестка поднялась со стула по ту сторону прилавка. Она была месяце на восьмом. Беременность, похоже, давалась ей тяжело, хотя Альфия старалась не показывать вида.

— Проходите, пожалуйте. — Старательно улыбаясь, она открыла боковую дверь. Во взгляде её была выжидательная осторожность. Невестка знала: Айтышев не одобрял новой женитьбы сына. Даже на свадьбу не пришёл. — Извините, не могу проводить вас... отец. Покупатели идут.

Неспешно ступая, Айтышев стал подниматься на второй этаж. Магазин с пёстрыми от разноцветных упаковок полками, вереницы бутылок, скрипучие ступеньки лестницы, какие-то татарские половики на полу — всё здесь было чужое. Даже воздух пахнул особо.

— Ты где? — сказал он громко, не называя сына по имени.

Дверь в одну из комнат открылась. Генка с синевато отсвечивающей бритой головой стоял, подавшись плечами вперёд и отставив зад. Понятно. Вид у него в самом деле был больной. Вообще-то всё к тому шло. Татарин — так настоящий, стопроцентный. Сын тоже упёртый, гнёт свою линию.

— В город к врачу поедешь?

Генка не сразу, но кивнул. Видимо, действительно прижало. В поселковую амбулаторию не хочет обращаться, поскольку сразу всем станет известно.

С Александром Михайловичем, хирургом, Айтышев познакомился, когда сломал лодыжку. Ладно бы на работе, а то в бане на скользком полу. Александр Михайлович снимал ему пластину. Оказалось, увлекается рыбалкой, Айтышев пригласил приезжать. Естественно, на рыбалке выпивали, говорили о жизни. В итоге врач стал друг не друг, но добрый знакомый, к которому можно обратиться в случае чего. Сейчас был как раз такой случай.

Созвонившись с Александром Михайловичем, Айтышев заехал за Генкой. Сын осторожно, чтобы не потревожить ширинкой *хозяйство*, спустился со второго этажа, медленно забрался в “Тойоту” на заднее сиденье, где попроторней. Когда выехали за посёлком на зимник, Айтышев спросил:

— Зачем это делаешь?

— Что ты имеешь в виду? — после паузы отозвался сын.

— Другое имя взял, со Светкой развёлся, на Альфии женился. Теперь вот...

— Межсезонье скоро, распутица, — неизвестно к чему сказал Генка. — Поползет ваш зимник. Пока река не вскрыется, невыездными будете.

Айтышев оглянулся с переднего сиденья.

— Не понял. Чего вдруг ты о межсезонье? — Про себя отметил: “ваш”, “станете”... Будто сам здесь не родился и не живёт. Отделил себя от посёлка, отрезал.

Голос сына был бесцветным:

— За исламом будущее.

— Крысы бегут с корабля?.. От русской матери ещё не отказался?

Генка-Рустам не ответил. Неглупый парень, заочно учится в нефтяном университете в Тюмени. Что они себе напридумывали, эти молодые? Будто то, какой ты веры, самое главное. Главное в жизни — какой ты сам, что собой представляешь. Или потому Генка так и поступает, что неглупый?.. Размышлять об этом было непривычно и тревожно.

Александр Михайлович всё быстро устроил. Поехали в больницу, там он больше часа продержал Генку в операционной и оставил в стационаре на несколько дней. Требовалось наблюдение: случай запущенный, не было бы сепсиса.

— Кто его так? Стопроцентная самодеятельность. — Глаза врача за стеклами в тонкой оправе смотрели непонимающе, но спокойно.

— У него спроси. Настоящим мусульманином решил заделаться.

— Да уж, мусульмане... Как насчёт этилового ректифицированного? А, ты за рулём... Ладно, подкинь домой, моя машина в ремонте.

По дороге заговорили о рыбалке. Сейчас на озёрах хорошо брал окунь, как ни странно, на клюкву. Александр Михайлович не поверил:

— Да ладно!

— Мужики таскают только так. А чего, давай проверим, у меня две недели свободных. Но не затягивай, а то зимник скоро поплывёт. Сейчас ехал, кое-где начал проседать.

Стали строить планы. Уже возле многоэтажки, в которой жил хирург, Айтышев рассказал о кедраче. Александр Михайлович заинтересовался:

— Тендер выиграли?.. Странно, тендеры ещё не проводились. Подожди, сделаю звонок одному человеку, он должен знать точно.

Оказалось, действительно, тендеров в районной администрации пока не было. Айтышев, не сдержавшись, хлопнул обеими ладонями по рулю “Тойоты”:

— Так и знал — прохиндей! Лапшу вешал! Кто разрешит кедр возле поселка валить? В районной администрации толковые мужики сидят, они понимают!..

Александр Михайлович ничего не говорил, а лишь внимательно смотрел на приятеля.

4

У Айтышева свои тараканы в голове. Лет с четырнадцати он считал, что может влиять на происходящее. И не обязательно ему самому что-то делать, достаточно присутствовать.

Впервые он это понял в детдоме. У него был дружок — Лёшка Асабин, который занимался лёгкой атлетикой, хорошо прыгал в высоту, но не уверенный в себе был пацан. Может, потому, что слишком жалостливый. Когда детдомовские ходили в лес искать бурундучьи заначки, Лёшка не ходил со всеми. Говорил, бурундуки с горя вешаются, если не обнаружат своих зимних припасов. Находят на кедре подходящую рогульку и засовывают туда голову.

Перед соревнованиями Лёшка мандражировал, ходил бледный, перепуганный. Старшие пацаны над ним издевались, не по делу давали пенделя, а Айтышев однажды пошёл с Лёшкой на соревнования. Когда дружок стал в секторе разбежаться, он, набычившись, смотрел на него, не отрываясь. И почувствовал, как упруго ходят под дешевым детдомовским трико тугие Лёшкины мышцы, тесноту полукед на ногах, запах пота из подмышек, проскальзывающую чёрную крошку гаревого сектора — будто сам стал Лёшкой.

Он ощутил, как дружок твёрдо ставит на землю толчковую ногу, тормозит перед планкой всей пяткой, как скорость тела меняет направление, готовая нести его вверх. Но одной её мало — и короткий судорожный то ли вдох, то ли всхлип, толчок что есть силы, взмах маховой ноги, рука следом, всё уходит в движение вверх, тянет, мощно несёт за собой... Чудесно и странно.

Есть! Лёшка уже на песке. Алюминиевая планка сверху между стоек даже не шелохнулась. Айтышев выдыхает, будто разбежался и прыгал сам. Облегчение и слабость во всем теле.

Сначала Валерка решил, что он гипнотизер, просто не знал об этом раньше. На тоскливых уроках алгебры пытался внушить учительнице, чтобы та запела матерную частушку и пошла вприсядку, но не получалось. “Чего уставился? На доску смотри, отличник!..” — возмутилась она. Однако какая-то сила от него всё-таки исходила. Собаки в городке, где находился детдом, его боялись, старшие пацаны тоже не особо задирали. А когда он ходил с Лёшкой на соревнования, тот показывал хорошие результаты. В восьмом классе перед выпуском из детдома даже выполнил второй взрослый разряд.

Иногда Айтышев думал, окажись он в Москве на стадионе, когда играла сборная СССР, наши обязательно выигрывали бы. Какой бы противник ни попался!.. Об этом он никому не говорил — скажут, крыша поехала, — но мысли такие были. До сих пор иногда появлялись.

С уверенностью, что с кедром всё будет нормально, он на следующее утро направился к гриве: следовало всё-таки проверить. Но оказалось, там всюю идёт работа! Лесовалочный агрегат, смахивающий на угловатый трансформер из мультяшного сериала (Олежка любит смотреть!), судорожно двигался, чадил, оставляя за собой свежие, издали броские пни. Здесь же был и вчерашний лесовоз.

Айтышев засунул пальцы в рот, свистнул и погрозил лесовалочному агрегату кулаком. Его заметили.

— Чего надо, мужик? — сказал человек в камуфляже, судя по всему, из частного охранного предприятия. По глубокому снегу, который в лесу и не думал таять, двигался ещё один чоповец.

— Вы что творите?! Сейчас мужиков позову! Кто разрешил?!

— Не твоё дело. Вали отсюда.

Айтышев задохнулся:

— С кем разговариваешь, урод! Я здесь живу!..

— За урода ответишь.

— Да мы тебя сейчас!

— Неужели? — Чоповец прищурился, стал похлопывать по ладони чёрным “демократизатором”. — Приключений на задницу ищешь? Вали по-хорошему, пока я добрый.

Через несколько минут Айтышев уже был в администрации.

— Хорошо, что пришёл! — словно обрадовался Петлеванный, когда он порывисто распахнул дверь в его кабинет. — Присаживайся. Ты что один? Я думал, вы всем посёлком зайвитесь.

Айтышев шагнул к столу главы.

— Выходит, знаешь насчёт кедрача? — Тон Петлеванного ему не понравился, но впечатление от встречи с чоповцами было сильнее. — Мы их вчера шуганули, так они сегодня с мордovorотами приехали, сволочи!

— Погоди-погоди, кто — они?

— Кто ближний кедрач валит!.. Хотел поговорить — слушать не хотят! Есть, в конце концов, у нас власть в посёлке или нет?!

— Ты не горячись, Валерий Ильясович. Успокойся. — Петлеванный поднялся с вишнёвого, богатого на вид кресла, протянул Айтышеву руку. — Присаживайся. Я вот что давно хочу спросить. Почему тебя всё время вперёд выставляют?.. Другие спокойно себе живут, в ус не дуют, а ты поперёд бабки в пекло, все шишки на тебя. Интересное кино получается, не задумывался?..

У Айтышева по жизни было так: человек ему сразу нравился или нет. Лицо, взгляд, как двигается, говорит — в чём дело, непонятно, но отношение определялось сразу. И редко когда он ошибался. Что в детдоме, что в армии, что позже в экспедиции. Рано или поздно первое впечатление подтверждал сам человек. Айтышев где-то читал, что так узнают друг друга животные. Даже в темноте. С одними они свои, с другими ничего хорошего быть не может.

Петлеванный ему не нравился. В девяностые был в экспедиции инженером по технике безопасности, а это слуга двух господ. Если по-настоящему следить, чтобы вышкари или бурильщики работали по правилам, получится итальянская забастовка, план никогда не сделать. Начальство (да и работники тоже) будут недовольны — скажется на зарплате и премиальных. Инженер по технике безопасности оказывался между двух огней, при несчастных случаях в первую очередь спрашивали с него. Надо уметь продержаться в такой должности больше шести лет! И вот уже почти столько же Петлеванный был главой поселковой администрации.

Не дожидаясь от Айтышева ответа, Петлеванного подошёл к стене, где висела большая разноцветная карта посёлка. Судя по всему, собирался что-то на ней показывать. Он уже и отточенный карандаш в руки взял, и лицо к карте повернул, как вдруг быстро оглянулся на Айтышева:

— Ты Ивана Даниловича Батюшкова знал?.. Хороший был человек. — Айтышев молча кивнул. Хитрит Петлеванный, запутывает разговор, но Иван Данилович действительно был хороший мужик. Умер недавно. Пришёл с работы из ремонтных мастерских, опустился на лавочку возле своей “деревяшки” и вроде как задремал. Оказалось, сердце остановилось.

— То, что он сидел, знаешь? А за что, тоже знаешь?.. Так вот, раньше Иван Данилович был старшим мастером в леспромхозе, а о минерализованной полосе вокруг базы не позаботился. Хотя по должности полагалось. А тут жаркое лето, лес загорелся, сильный ветер — базы в пять минут не стало. Были жертвы, о технике не говорю... — Петлеванный пристально, с усмешкой смотрел на Айтышева. — Как думаешь, мне охота на зону? Вот так вот честно скажи, похож я на идиота? Я тебе верю, Валерий Ильясович, ты мне прямо говори, в глаза!..

У Айтышева дрогнули ноздри. Разговаривает, будто перед ним недоделанный Лёня Соколкин. Или издевается. Раньше он взорвался бы, обложил по матушке и хлопнул дверью, но так ничего не добьёшься.

— Давай ближе к делу, Юрий Семёнович. Убирают ближний кедрач, а ты здесь...

— А разве я не о деле? — искренне удивился Петлеванный и даже слегка откинулся назад. — Посмотри на карту. Это наш посёлок к двадцатому году, перспективный план. Видишь, где границы проходят? Да ты ближе подойди, оттуда плохо видно!.. Границы, обрати внимание, отодвинутся метров на сто. В посёлке появится спортивный комплекс, культурно-досуговый центр, новая улица... Между прочим, планирую объявить конкурс на её название, так будет демократично. — Петлеванный доверительно подался к Айтышеву, понизил голос: — Ещё, конечно, КОСы нужны, канализационно-очистные сооружения то есть. Сам посуди: посёлок растёт, а жидкие бытовые отходы до сих пор сливаем в лесу. Разве это нормально? Экологию губим, о детях и внуках своих не думаем. Это ж потом в наши организмы с водой попадает, сами себя травим... Площадь под КОСы потребуется? Однозначно! Остальная инфраструктура? Без вопросов! Короче, посёлок должен расширяться. Хочешь-не хочешь, лес придётся отодвинуть, а как это сделать, если не вырубать?

— Кедрач валят, чтобы защитная полоса от огня была в случае чего? Так, что ли?

Петлеванный хлопнул ладонью об ладонь:

— В самую точку, Валерий Ильясевич! Вот именно!.. Я не раз поднимал этот вопрос в районе. Очень рад, что, наконец, услышали. Зону мне топтать как-то неохота, сам понимаешь.

Сирена, заслушаешься!.. Олешка недавно готовился к истории, вслух читал про путешествие Одиссея. Айтышев усмехнулся:

— Когда он ещё будет, этот двадцатый год! Экспедиция на ладан дышит, люди из посёлка уезжают — какое расширение, какой перспективный план! Ты что мне лапшу вешаешь!..

Про лапшу — это он напрасно, Айтышев это понял, ещё не договорив. Но Петлеванный, похоже, не обратил внимания. Опустил глаза, сокрушённо покачал головой:

— От кого, от кого, а от тебя, Ильясевич, не ожидал. Не патриот ты, нет!.. Посёлок есть и будет. Здесь наши дети родились и выросли. Здесь наши лучшие годы прошли. В экспедиции дела поправятся, я в этом абсолютно уверен. Сейчас разрабатывается план поддержки геологоразведочной отрасли, обрати внимание, в масштабах страны! Первые лица государства понимают: без разведанных запасов перспективы у нефтяников и газовиков под вопросом. А это половина бюджетных поступлений. Да что я тебе говорю, сам телевизор смотришь!..

Айтышев поднялся, вполголоса, будто сам себе, сказал:

— Говорить они умеют. И обещать тоже. Что сейчас, что при советской власти...

Петлеванный отреагировал по-своему:

— Правильно, о перспективе нужно всегда думать. А то какая это власть? Население не поймёт.

— Ты мне, Юрий Семёнович, прямо скажи, будут продолжать валить кедрач или не будут?

— Так я же тебе всё обрисовал! — Петлеванный укоризненно склонил голову к плечу и раскинул в стороны руки, поражаясь непонятливости Айтышева. — Рисковать посёлком никак нельзя. Минерализованная полоса прокладывается с учётом перспективы. Или ты против, чтобы посёлок развивался?..

— Мы кедрач не дадим вырубать.

Петлеванный посмотрел себе под ноги, выдержал паузу.

— Кто это — мы? Что за альтернативная власть в посёлке появилась? Вас кто-то выбирал?.. Я тебя, конечно, уважаю, Валерий Ильясевич, ты в экспедиции много лет проработал. Но не лишнее ли берёшь на себя? Так и надорваться можно. Решение принято, и оно будет выполняться.

— Кто принял? Чтобы вырубать, полагается тендер провести, а его не было.

— Об этом уж позволь тебе не докладывать. Наверху приняли. — И Петлеванный посмотрел на потолок.

Разговаривать дальше не имело смысла. Айтышев вышел из кабинета, изо всех сил стараясь не хлопнуть дверью.

Людмила и сын уже были дома, сидели у компьютера. Олежка повернул навстречу отцу счастливое лицо:

— Пап, мы пятый уровень прошли! Четыре тысячи двести семьдесят три балла! Иди, посмотри!..

Людмила была так увлечена, что даже не взглянула в его сторону. На дисплее какой-то уродец прыгал по конструкциям, похожим на недостроенный многоэтажный дом, взлетал и проваливался. Голубоватый свет компьютера лежал на Людмилином сосредоточенном лице.

Айтышев, не ответив сыну, принялся молча раздеваться. Ладно, пацан. А с какой стати пятидесятилетняя баба фигнёй занимается? Делать нечего, всё перестирано? Обед готов, полы пропылесосены, окна к весне вымыты?..

Нормальную жизнь игрой заменяют! Лишь бы не думать ни о чём, не видеть ничего! Не только Людмила с Олежкой — многие сейчас так, молодёжь особенно.

— Давай обедать.

Жена вздохнула и неохотно поднялась от компьютера. Олежка тотчас занял её место.

— Ты ел? Пошли тоже пообедаешь.

— Сейчас, сейчас... — Сын впился глазами в дисплей, рука сжала мышь.

Странно всё-таки. В молодости Людмила ловила каждое его слово, старалась угодить, хотя была с высшим образованием, а он — простой работяга. Как она бросилась его защищать, когда отец пообещал перебить ноги, если он её тронет. Айтышев после армии учился в городе в школе буровых кадров, провожал Людмилу домой в частный сектор, остановились под её окнами. Тут хлопнула форточка вверху, высунулась лысая голова и понесла Айтышева по кочкам. Мужик разве что матом не ругался. Людмила не посмотрела, что отец, ответила так, что голова скрылась. Позже выяснилось: отец у неё фронтовик, контуженный.

Сейчас всё переменялось. Теперь уже он больше от неё зависит, а не наоборот. В собственной семье отодвинут в сторону. И незаметно как-то это произошло, постепенно. Хотя и теперь он обеспечивает жену и сына, не говоря уж о времени, когда был вышкомонтажником.

— Опять суп? Я этих супов вот так наелся на вахте! Ты нормальный борщ свари, с капустой, со свёклой!..

Жена удивлённо взглянула на него:

— Сварю я тебе завтра борщ, успокойся.

— И слов таких чтоб я не слышал! Я спокоен!..

Из комнаты с компьютером прибежал Олежка, непонимающе уставился на родителей:

— Вы чего?

Айтышев рявкнул:

— Быстро за стол! Обнаглед! Чтоб не видел я больше этих дебильных игр!.. Поешь — дневник покажи!

Он понимал: причина его гнева в другом. Но и домашних время от времени надо строить — не помешает, а то распустились! Сейчас это было особенно ясно.

После обеда Айтышев взял ручку, лист бумаги из поддона принтера, на котором Людмила распечатывала материалы к урокам, и сел за кухонный стол. Наморщил лоб. Петлеванный делать ничего не хочет, надо обращаться в районную администрацию. Насчёт минерализованной полосы к двадцатому году — туфта. Кому-то понадобилась кедровая древесина, она ценная. Все, кто был вчера на гриве, письмо подпишут. Да и многие другие в посёлке тоже.

Казалось, всё понятно, яснее не бывает, но когда Айтышев принялся писать, выходило не то — неубедительно как-то. Он порвал листок и выбросил в мусорное ведро, взял новый. Но и на этом получилось не лучше. Обращать-

ся к Людмиле не хотелось, и он взял ещё листок. В конце концов, всё-таки пошёл в комнату с телевизором, хмуро сказал сидевшей на диване жене:

— Пошли, поможешь.

Людмила посмотрела сдержанно, но всё же поднялась и пошла следом на кухню.

— Садись, письмо в район написать надо... Ближний кедрач валят, слышала, наверно? А зачем новая полоса, если старая есть? — заговорил он, понемногу заводясь опять. — Ты распорядись подрост вырубать регулярно — и все дела! Проблем-то! Когда ещё посёлок будут расширять, за десять лет планы сто раз переиграют!.. Зону он топтать не хочет! До двадцатого года собрался в своём красивом кресле сидеть!.. О кресле не пиши.

Жена остановила:

— Давай по порядку. Какая полоса, какой двадцатый год, какое кресло? И при чем здесь зона?..

Выслушав, неоднократно уточнив детали, Людмила полчаса сосредоточенно писала. Наконец прочла вслух, что получилось. Айтышеву прищёлкнул пальцами: то, что надо! Как ни крути, а высшее образование много значит. Жаль, у него возможности не было. Одной школой буровых кадров пришлось ограничиться.

— Молодец!

— Ну тебя, — отмахнулась жена.

Она ещё обижалась за недавнюю вспышку, хотя могла бы за столько лет привыкнуть к его характеру. К тому же обижаться у него было больше оснований...

— Давай текст на компьютере наберу. Солидней смотреться будет. — Похвала все-таки подействовала на Людмилу.

— Точно!..

Минут пятнадцать спустя она протянула листок с красивыми печатными строчками.

— У меня вопрос, Валера. — Людмила подняла к мужу лицо, прямо, требовательно посмотрела в глаза. — Оно тебе надо?

Айтышев не понял:

— То есть?

— Оно тебе надо, всё это? — повторила жена, не отводя серьёзного взгляда и тряхнув листком в руке. — Заикленный правдолюбец, ей-богу! Мало тебе гадостей из-за твоего характера делали? Квартиру не давали, с разрядом тянули, сейчас вообще сократили...

— Ты ещё вспомни, что до революции было.

Людмила шутки не приняла:

— Когда были молодые, я думала: ну, горячий, пройдёт. Потом думала: кризис среднего возраста. Сейчас-то чего? Пенсия на носу, успокойся! Что ты каждой бочке затычка!..

Айтышев, злобно взглянув на жену, выхватил листок. “Затычка”!..

Однако сдержал себя, не стал говорить то, что готово было сорваться с языка.

Овцы! Их стригут, ни в грош не ставят, а они ещё и спасибо говорить готовы!..

5

Телёнок стоял, широко растопырив ноги и опустив голову. Вид у него был глупый. Корова телёнка вылизала, волнистые следы от языка всё ещё виднелись на коричневой шерстке.

— Тёлочка, — сообщил довольный Кузьмич. — Я по-старому, в избу взял, по ночам ниже десяти опускается. О, пруденит!..

Из телёнка, в самом деле, полилась струйка на сено в углу, где он стоял.

— Пошло пишеварение!..

Айтышев был весь в другом, но вспомнилось, как в детдоме пацаны подсматривали, когда в подсобном хозяйстве рожали коровы. Взрослые гнали их в шею, ругались, но пацанам было любопытно видеть, как из коровы лезет

телёнок. Всё, связанное с этим, детдомовских жгуче интересовало. Ещё в школу не ходили, а уже заставляли девчонок снимать трусы и показывали пальцем: “Пирожок!..”

Айтышев усмехнулся. Барбосы! Но почему до сих пор ему нет покоя?..

— Ну-ка, что ты там намайстрил? — Кузьмич вытер руки чистой тряпкой и взял обращение к главе районной администрации. Вспомнив, что нужны очки, опустил листок на стол, пошарил на подоконнике с геранью. — Ну-ка, ну-ка... А чего, толково, всё по делу. Мнение населения, с ним начальство должно считаться. Опять же выборы... Где подписать?

С обращением Айтышев обошёл всех, кто был вчера на гриве. Услышав, что Петлеваный в курсе и останавливать вырубку кедрача не собирается, подписывали. “К прокурору надо! Шахер-махер здесь! — заявила Валентина Галушко. — Столько лет ни о какой полосе не думали — и нате вам! Не верю я, другое что-то здесь, чувствую!..”

В квартире у Валентины было влажно, как в бане, — вся кухня завешена сохнущим детским бельём. Недавно в семье родилась двойня. “Как с моим Галушкой помирился, так трах — и новый короед!” — объясняла Валентина в посёлке. С двойней в семье стало шестеро детей. Мужа Валентины Айтышев хорошо знал, раньше работали в одной бригаде. Его, тщедушного и молчаливого, подначивали: не только умудряется уживаться с боевитой крупной Валентиной, но и столько детей настрогал. Хорошо, пока не сократили. Вот уж кому туго придётся, если кедрач вырубят. В конце августа у Галушко обычно начинались горячие дни. Орех, ягоду, грибы добывали всем кагалом, потом отвозили в город продавать.

Озадачил Иван Волобуев. Он тоже был на гриве, но подписывать не стал. Крутя в пальцах шариковую ручку, несколько раз прочёл обращение и дальше коридора пройти не пригласил. Отводя глаза, вернул листок и ручку.

— Ты чего? Пусть вырубают, по-твоему?

— Нет, я, конечно, за...

— Тогда в чём дело? Почему не хочешь подписывать? — уязвлённо стал наседать Айтышев.

— Я в эти игры не играю.

— Тогда зачем приходил на гриву? Сидел бы себе дома!..

Иван усмехнулся:

— За компанию и еврей повесился...

Еврей нашёлся...

Волобуев был из тех поселковых мужиков, которые уволились, не дожидаясь сокращения. Районная администрация давала ссуды, можно было открыть собственное дело, и Волобуев года два назад купил мини-пекарню. Бизнес, однако, не пошёл, он пробовал заниматься извозом на “Газели”, потом открыл парикмахерскую, где стригла и делала маникюр жена, сам ходил по посёлку, ремонтировал бытовую технику — всё без особого успеха. Возможно, потому, что в полутора часах езды находился город, где всё было дешевле. Айтышев краем уха слышал, что сейчас Иван затевает какой-то новый бизнес.

— А чего здесь не понимать, — сказал Кузьмич, когда Айтышев рассказал о Волобуеве. — Очень даже понятно себя ведёт. Светиться человек не хочет, вдруг в администрации не понравится, что подписал. Денег не дадут... Хитрющие, скажу тебе, люди, эти наши бизнесмены! А может, наоборот — несчастливые, кто знает... — Кузьмич почёсывал телёнку лоб и сам жмурился от удовольствия. — Здесь, Валерка, вот какая штука. Лёня Соколкин приходил. Знаешь, чего предлагал? Давайте, говорит, подожгу агрегат — ну, лесовалочный. Бензина просил.

— Серьёзно, что ли?

— Ну. Вроде как народный мститель.

Говорил это Кузьмич как бы с усмешкой, но что-то в его лице было, заставившее задержать взгляд.

— А ты?

— Что — я?.. Помнишь, читал тебе про одну никишкинскую тётку, она картошку отдала эвакуированным. Может, за счёт своей семьи других пожалела. Как ни крути, хорошее дело: вроде как жертва, когда всем одинаково

худо. Не кажный сможет, потому и записываю в историю. — Кузьмич остановил на Айтышеве мечтательные глаза. — А хорошо было бы, а? Пострадал, чтобы другим была польза. По мне, такое должны помнить. У нас ведь как: умер человек — и забыли. Правильный был или так себе, неважно. Это нехорошо. О правильных должны помнить.

Айтышев нашёлся не сразу:

— Так Лёня с приветом. Зачем втягивать?

— Ты чего, Валерка! Кто говорит, что надо втягивать?.. А с другой стороны, через двадцать лет никто знать не будет, какой он был. Останется только, что жил такой Лёня Соколкин, сел в тюрьму, когда хотели наехать на малоимущих. Это будут помнить, кто с совестью, конечно. Вроде как маяк для других.

Шутит Кузьмич или говорит серьёзно, понять было трудно. Айтышев представил, как Соколкина с канистрой бензина скрутят мордороты из ЧОПа, с которыми он столкнулся утром. Ведь наверняка попадётся.

Кузьмич посмотрел на часы. Не ходики с гирей, как можно было бы ожидать в деревенском доме, а современные кварцевые, с надписью не по-русски.

— Ладно, тёлке исть пора. Пойду молозива нацежу... А насчёт Волобуевых подумаю, продавать им молоко или нет, Иван просил... Кажному по делам его.

В посёлке только у Кузьмича была корова. Претендентов же на молоко — не магазинное, в пакетах, а настоящее — было много. “Правильно!” — согласился про себя Айтышев.

— Ты как спишь? Нормально? — Кузьмич остановился в дверях. — Я полночи кручусь, заснуть не могу. Погода меняется, что ли? Беспokoйно мне чего-то.

— Межсезонье скоро, потому. А может, полнолуние наступило. На небо не смотрел?

Кузьмич махнул рукой:

— Э, ты молодой, не понимаешь!.. Межсезонье у нас всю дорогу, что будет завтра, никогда не знаешь. Я не про посёлок — вообще про страну. Так что, не спать из-за этого?

“На философию деда потянуло, — подумал Айтышев. — Вон как повернул. Обобщает!”

Он тоже спал последнее время неважно, но объяснял это тем, что за две недели вахты ломался график. Дома только войдёшь в колею, начнёшь спать ночью, как опять надо на прежнее переходить. Дежурство на вахте четыре часа через четыре, спишь урывками.

Хотя было что-то ещё — смутное, сразу не объяснишь словами. Дело не только в кедраче. Прав Кузьмич — беспokoйно как-то стало в последние годы, ненадёжно. Что-то должно случиться, так долго тянуться не может.

Встреча с Геннадием Николаевичем Ваулиным остановить его не могла, но душу царапнула. И сильно. Бывший технолог сидел у подъезда своей типовой двухэтажной “деревяшки” в инвалидном кресле на колёсиках и призывно взмахивал здоровой рукой. Был он бледен, правая половина лица съехала вниз, на голове — зимняя шапка с опущенными ушами, хотя вовсю светило солнце, и на припёке у подъезда было тепло.

Подходить не хотелось. Тягостно было видеть в таком состоянии недавно ещё здорового мужика, не дурака выпить, да и насчёт женщин... Но Айтышев Ваулина уважал и потому подошёл. Геннадий Николаевич протянул действующую руку, радостно замычал.

— О, сила есть! — сказал Айтышев, не сразу сообразив, что надо тоже здороваться левой рукой. — Дело, смотрю, на поправку, я правильно понимаю?

Геннадий Николаевич хотел что-то ответить, но у него не получалось. Он пробовал это сделать несколько раз, мучительно искажалась здоровая половина лица. Вторая была неподвижной, мёртвой, с красной изнанкой отставшего века и опустившейся половиной рта. Нужно было что-то говорить, и Айтышев сказал:

— Не всё сразу, Николаич. Придёшь в норму, мы с тобой ещё попаримся в моей баньке. И на грудь примем. Если в меру, это даже полезно, любой врач подтвердит.

Бывший технолог прекратил попытки что-то сказать, действующей рукой показал: не могу. Получилось безнадежно.

— У него сейчас только мат хорошо выходит, — послышалось за спиной. С полной сумкой к подъезду шла жена Ваулина, наверно, из магазина. — Теперь мат у него — на все случаи жизни. Доволен, не доволен, хорошо, плохо — пуляет только так... Ну, что, погулял? Давай домой, хватит. Простынешь, мало мне с тобой мороки!..

Подобным тоном взрослые обычно разговаривают с надоевшим ребёнком. Айтышев давно подметил: отношение у здоровых к тем, кто долго болеет, пренебрежительно-насмешливое. Ими тяготятся и не скрывают этого. Будто ещё недавно уважаемый человек стал недоумком и не достоин, чтобы к нему относились нормально. Горько было думать, что такое может в любой момент случиться с любым мужиком, пока ещё благополучным и вполне здоровым. И с ним, Айтышевым, тоже.

Зачем тогда всё? Чего сто́ит? Все его, Валерия Айтышева, радости, удовольствия, желания и заботы — сама жизнь?..

Отталкиваясь от настила перед подъездом действующей ногой, Ваулин стал медленно двигаться к двери. На инвалидном кресле у него только так и получалось ехать, спиной вперёд.

— Ладно выдвигаться! — одёрнула жена. — Самостоятельность он свою показывает!.. Валера, поможете на лестничную площадку поднять? Хорошо ещё, не на втором этаже живём, а то сидел бы всё время в четырёх стенах. Господи, когда это кончится!..

Айтышев завёл кресло в тамбур, ухватившись за дно и спинку, остро чувствуя запах чужого человека, поднял кресло на площадку. Геннадий Николаевич не смотрел на него, в его позе было покорное безразличие, из скобоченного рта текла слюна.

— Т-твою мать! — только и сказал Айтышев, выходя на улицу в яркий апрельский день, освобождённо вдыхая живой весенний воздух. Других слов у него сейчас не было. — Т-твою мать!..

6

Ночью мысли бывают странные, это он ещё на вахтах заметил. Особенно под утро. Айтышев закуривает на застеклённом балконе, прислушивается.

Люди в доме спят, это понятно, но и “деревяшка” их спит, как живая. Старое дерево потрескивает, словно дом ворочается во сне. В комнатах и коридорах — застывший густой воздух. Чёрные окна похожи на глаза — закрыты, свет ни в одном не горит, на снег внизу не падает. Вещи в квартирах тоже спят, замерли на своих местах, притихли. А может, они думают — никто не знает, что вещи такое и как всё на самом деле. На стульях сидят, в шкафах — одежда, в холодильнике — еда, но есть что-то ещё, под утро об этом начинаешь догадываться, если ночь не спал.

Айтышев не удивляется таким мыслям. Начало четвёртого, самое непонятное, мутное время суток.

Два прошлых дня мело, не скажешь, что середина апреля. На “большой земле” стали бы смеяться — вот так весна! Сейчас тихо, небо чистое, звёзды горят. Айтышеву представляется, как морозный воздух устремился мощным потоком с Ямала, накрыл лесотундру, клюквенные болота, урманы, весь их округ. Хлынул дальше на юг, в казахские степи. Всё представляется Айтышеву явственно, в красках, будто на цветной карте в конце “Новостей” по телевизору. Ещё явственнее — он всё это чувствует.

Пространство от Ледовитого океана до гор на территории бывших советских республик — сплошная низина, остановить холодный воздух нечему. Согретый в южных пустынях, он ринется, как по трубе, обратно, принесёт тепло. Снег растает в два-три дня. Потом всё повторится снова: опять ледяной воздух с Ямала, метели и мороз. Не зря звёзды мигают, ровно не

светят, — вверху что-то происходит, жди изменений. Метеозависимый стал, думает Айтышев, пятый десяток добиваю.

Не спится не только ему. Слышно, как открывается наружная дверь “деревяшки”, Айтышев открывает створку застеклённого балкона, смотрит вниз. Серёга Базанов, увалень под два метра. На плечах куртка, однако ноги в домашних тапочках. Вспыхивает зажигалка, Серёга закуривает.

— Ты куда? — сонно спрашивает Людмила, когда Айтышев проходит через комнату с белеющей постелью.

— На гулянку!..

— Ну-ну, — безразлично говорит Людмила, но голос у неё уже не такой сонный.

На крыльце Айтышев здоровается с Базановым за руку. Нормальный мужик, тоже устроился на месторождение охранником, раньше работал бурильщиком. На крыльце заметно прохладней, чем на застеклённом балконе. Какое-то время мужики молча курят.

— Давно тебя не было видно. Вахта?

— Мать ездил хоронить.

— Долго болела? — спрашивает Айтышев, выдержав паузу. Огромный Серёга сутулится — от роста и оттого, что куртка то и дело норовит соскочить с плеч. Спокойным голосом отвечает:

— Все боятся рака, а она — за неделю, от пневмонии. Прохватило где-то.

Полагается ещё что-нибудь сказать, вслух посочувствовать, и Айтышев говорит:

— Сколько ей было?

— Семьдесят один в феврале исполнилось. — Базанов, видимо, повторяет то, что уже десятки раз говорил. — Для женщины немного, это мужики редко доживают... Любила она меня. Радовалась, когда звонил. Дома беготом звала. — И Серёга усмехается.

Своих родителей Айтышев не помнит — так, отдельные картинки. Худая женщина в линялом длинном платье отводит тыльной стороной руки волосы со лба, наклонилась над корытом со стиркой, на табуретке рядом — большой кусок чёрного мыла. Наверное, мать, Айтышев не уверен. Ничего, связанного с отцом, в памяти вообще не осталось. Ещё помнится прокуренный общий вагон, люди ругаются из-за мест, Валерка напуган, плачет, какой-то мужчина протягивает ему красного петушка на палочке, говорит порусски. И ещё: барак с толевой крышей в длинных рейках, яркая зелень двора, ребята подбрасывают вверх мяч, играют в “штандер”, его не берут — маленький. Во всём бараке — комары и постоянный рыбный запах.

— Помянем? — предлагает Базанов.

— Сейчас?..

— А что, мы на кухне, тихо.

Тот редкий случай, когда Айтышев не знает, что сказать. Пить не хочется, но отказываться неудобно, можешь соседа обидеть. Вроде как полагается.

На тесной кухне своей квартиры Серёга кажется ещё больше, двигается осторожно, боясь ненароком что-нибудь зацепить. “Бегемот”, — вспоминает Айтышев. Серёга прикрывает кухонную дверь и достаёт из холодильника бутылку.

— Земля пухом... Да ты садись, Ильясович, не стоя же.

Выпить и сразу уйти нельзя — рюмок должно быть чётное число.

— Так-то я понимал, мать не вечная, головой готов был. А всё равно... Лежит, молчит, на себя уже не похожа... — Серёга старается говорить тихо, повторяет сказанное на крыльце: — Очень любила меня, радовалась, когда звонил. А уж когда приезжал в отпуск... — Он пристально смотрит на Айтышева, медленно произносит: — По-настоящему нас любят только матери. Жена, дети, остальные — так, ерунда. Матери — да!

От Айтышева это далеко. Любила его мать или нет, он не знает. Звонить было некому, в отпуск приезжать — некуда. В детстве, когда подросток, узнал, что отец и мать были вербованные, работали в рыболовецком колхозе на Иртыше. Оба утонули во время путины, запутавшись в сетях. Родственников, желающих забрать его, не нашлось.

“Один по жизни! — думает Айтышев, когда выпивают ещё. И не знает, чего в нём сейчас больше: жалости к себе или гордости, что не сломался, стал нормальным человеком, хотя никто его не любил и не помогал. У детдомовских судьба по-разному складывалась. Дружок Лёшка Асабин, например, спился, хотя окончил техникум и преподавал в школе физкультуру. Сейчас, рассказывают, бомжует, зимой живёт в теплотрассе. — Один я по жизни!.. Сам!..”

— Слышал, у нас здесь с кедрачом заваруха. Вроде половину уже вырубил, — перевёл разговор на другую тему Базанов. Его грубое лицо с толстыми губами становится внимательным.

— Правильно слышал. Главное, за жабры никак их не возьмёшь — скользкие!..

Айтышев пододвигает бутылку и сам себе наливает. Он понимает, что ведёт себя не так, как полагается, но остановиться не может. Базанов коротко смотрит на него. До выпивки Айтышев никогда жадным не был.

— Все вроде соглашаются, мы кругом правы, а ничего не меняется. Продолжают кедрач валить, скоты!.. Будто ты в лесу заблудился, глотку дерёшь, надрываешься, а результат... Порядки, блин!

Не дело показывать своё состояние — если он дрогнул, чего от других ждать! Наоборот, надо подчёркивать, что всё будет хорошо, внушать людям оптимизм. Но эти мысли проходят краем, не они сейчас важны для Айтышева. Требуется выговориться. И Айтышев продолжает говорить и пить, пить и говорить. Сколько это продолжается, он не знает. Время исчезает.

Как они оказываются на крыльце снова, он тоже не знает. Происходящее остаётся в голове кусками. Курят, на улице уже светло, раннее розовое солнце лежит на голенастых соснах. Айтышев говорит, для убедительности берёт Серёгу Базанова за куртку и трясёт, тот, здоровенный, неловко ухмыляется и отводит глаза. В конце концов, уговаривает Айтышева идти домой, сам отводит.

— Господи! Где ты в такую рань успел?.. — говорит Людмила. Она уже поднялась, готовит Олежке завтрак.

— Все путём, мать!.. Серёга, заходи, у меня тоже есть!..

Но Базанов порога не переступает, смотрит на Людмилу извиняющимися глазами и быстро уходит.

— Валера, ну, нельзя же до такой степени, честное слово!.. Ложись спать давай.

Айтышев отводит её рукой, опускается на табуретку и молчит. Кладёт на столешницу сжатые кулаки, катает желваки. Людмила знает: лучше его сейчас не трогать — и уходит с кухни. Слава Богу, такое с мужем случается нечасто.

* * *

В субботу приехал Александр Михайлович, с ним была рыжая девочка лет десяти — дочь Аня. Раздеваясь в прихожей, Аня стреляла по сторонам глазами и совсем не смущалась незнакомых людей. На её сметанно-белом лице, как часто бывает у рыжих детей, карие глаза казались особенно броскими, чёрными.

— Уговорила показать деревню, — Александр Михайлович с любящей снисходительностью смотрел на дочь. — Мы на озеро, а Олег тем временем... Олег, ты где? Сможешь поводить Аню по деревне?

— У нас посёлок, а не деревня, — послышался мрачный голос из-за двери в комнату с компьютером.

Аня бойко сказала:

— Он спрятался, потому что стесняется меня. Выходи, я не кусаюсь, честное слово! И не обижайся, пожалуйста, за деревню.

Все засмеялись. Да уж, такая не пропадёт!..

Людмила постаралась, стол получился богатый — выражала таким образом свою признательность за Генку-Рустама. У того после операции всё было нормально, уже вернулся домой. Пить, однако, перед рыбалкой не стали, это лучше делать после.

Наст был крепкий, искать снегоход, чтобы доставил к озеру, не понадобилось. Пошли пешком. Александр Михайлович сменил очки, надел тёмные — день, как и все в последнее время, был солнечный, наст горел холодным белым огнём.

— После института я работал в Якутии. Там ваш посёлок был бы центром мировой цивилизации. — Врач перехватил поудобней лямку своего рыбацкого ящика. — Кстати, клюкву не забыл? Проверим твою наживку. Я на всякий случай мотыля купил... Так вот, самое плохое время для охотников-якутов — это когда наст и солнце. Светофильтры достать тогда было трудно, якуты сами себе очки мастерили. Технология элементарная. Берётся кожаная лента, подгоняется по голове, делаются прорези для глаз — и вперёд! Иначе ослепнуть можно, не до охоты.

— У здешних хантов тоже так было, мне рассказывали. Слушай, может, потому у всех у них глаза узкие, потому что щуриться всё время приходилось?

— А китайцы? У тех снега почти не бывает.

— Ну, может, от песчаных бурь щурились. У них есть большая пустыня, по телевизору показывали.

— Прочему тогда у арабов нормальные глаза? У них одна Аравийская пустыня чего стоит... — Александр Михайлович вдруг повернулся к Айтышеву. — Как думаешь, наши по посёлку пошли или у компьютера сидят? Я специально Аню взял с собой, чтобы побыла на воздухе, подышала фитонцидами.

— Не говори. Подседа молодёжь на компьютерные игры, они им жизнь заменяют. Ладно бы молодёжь, моя Людмила тоже. Поверишь, до ругани иногда доходит...

Такие разговоры велись до самого озера. Айтышеву хотелось говорить о последних событиях, но врач сам не спрашивал, а с какой стати грузить человека?..

А рассказать было что. Кроме письма в районную администрацию, написали ещё и в прокуратуру. Из администрации ответа пока не было, а от районного прокурора приезжал неприметный человек с серым, будто присыпанным пеплом лицом. Он походил между пнями расширяющейся с каждым днём вырубки, покивал на слова Айтышева, Кузьмича и ещё нескольких оказавшихся там мужиков.

— Нам что, пикеты проводить, как шахтёры на Горбатом мосту? Под агрегат лечь?..

— Это экстремизм. Есть статья, — сдержанно заметил человек из прокуратуры.

— А что тогда делать? Они даже при вас продолжают! Незаконное ведь дело, самовольное!

— Ждите решения.

— Сколько ждать?! Скоро от кедрача ничего не останется!

— Давайте без эмоций!..

Походив по гриве, понаблюдав за работой лесовалочного агрегата, человек из прокуратуры уехал. После его визита ничто не изменилось, кедрач продолжали валить.

Айтышев был недоволен собой. Мало того, что на выходе из посёлка не хотел, а всё же скопил глаза — на месте ли банька?.. Ведь запросто могут сжечь. Тот же упитанный директор с серьгой в ухе и полированными ногтями своих настропазит. Чтобы Айтышев не гнал волну и чтобы другим было неповадно. Может, он ещё кому-то на хвост наступил — погреть руки на денежном деле желающие всегда найдутся. Так что исполнители — не проблема.

Но дело не только в этом. Раньше Айтышев и пикет организовал бы, и первым бы под траки лёг. Или поджёт бы ночью валочный агрегат, как Лёня Соколкин собирался. Он помнил волну победительной ярости, которая охватывала его в молодости. Теперь осторожный слишком стал...

Ему, салаге, в первом карауле хотели устроить “присягу” — бляхой врезать несколько раз по заднице, чтобы синие звёзды остались. Практически все через это проходили. Кто добровольно не соглашался, наваливались всей караулкой, заламывали руки. Айтышев тогда бросился к оружейной пирамиде,

выхватил АКМ, загнал рожок и сбил вниз предохранитель. “Оборзел, салага! Поставил автомат! Мухой!..” Чувствуя, как ощерились зубы, как ударила в голову кровь, он передёрнул затвор. Осталось нажать на спусковой крючок. Он готов был это сделать — и сделал бы, в караулке это поняли. “Оставьте его, — сказал сержант. — Он бешеный”. Айтышева оба армейских года так и называли бешеным, старались не связываться.

Озеро угадывалось по ровной, без намётов поверхности. Кое-где чернели согнутые фигуры рыбаков. Александр Михайлович первым выбрал себе место, принялся разгребать снег, сам Айтышев пошёл дальше. Как всегда перед рыбалкой, его приятно познабливало. Он просверлил лунку, насадил на жало морышки отошедшую в кармане клюкву. Посмотрим!.. На клюкву ему самому ловить ещё не доводилось, только слышал от мужиков, что хорошо берёт окунь.

Не клевало. Айтышев играл удочкой, время от времени переставая, однако резиновый “кивок” оставался неподвижным. Он просверлил лунку на новом месте, но и там окуня не оказалось. Айтышев оглянулся на Александра Михайловича. Тот сосредоточенно склонился над своей лункой, ловится у него или нет, издали было не разобрать. Апрельское солнце понемногу двигалось по чистому небу, ощутимо пригревало спину даже сквозь тёплый комбинезон — память от работы вышкомонтажником.

Когда он перебрался на четвертое или пятое место, глухо под одеждой заиграл телефон. Чертыхаясь, Айтышев долго доставал его.

— Валерий, нас приглашают на уху, — сказал Александр Михайлович. — Как думаешь?

Айтышев оглянулся. Рядом с врачом виднелась ещё одна далёкая фигурка. Появляться с несколькими рыбёшками было стыдно, но по голосу Александра Михайловича стало ясно, что тот не прочь принять приглашение.

— Ты на что ловишь? — стремительно подался к нему Федосов, когда Айтышев подошёл. Федосов, представитель энергетической компании, которой в посёлке платили за электричество, был сравнительно новым человеком. Но был он коммуникабельным, со всеми уже был знаком и на “ты”.

— На клюкву.

— И я на клюкву! Полным-полна коробочка, могу поделиться опытом!.. — так же стремительно, не договаривая слов, бросил Федосов.

К этому человеку нужно было привыкнуть. Быстро Федосов не только говорил, но и двигался, глаза его ни на секунду не оставались спокойными, всё время сметливо прыгали. Казалось, там, где обычный человек проживает минуту, Федосов проживал несколько. Чем-то он напоминал хищного, беспокойного соболя. Про Федосова говорили, что человек он толковый, знает много, но по пьянке дурной.

— Секрет прост, я на вегетарианцев попал, а вы — на плотоядных! Скажите спасибо, не обиделись, в лунку не утащили, клюква — оскорбление для плотоядных!.. — Федосов не засмеялся, а лишь бегло, вскользь ухмыльнулся, будто думал в это время о чём-то ещё.

По тому, как весомо и прочно стоял на насте его рыбацкий ящик, было ясно, Федосову действительно повезло больше. В ловле на клюкву, похоже, существовала какая-то тонкость, Айтышеву неизвестная.

— Ну, что, ко мне на дачу, господа офицеры? Уху сварим, водочки выпьем — мужская компания, святое дело, в субботу — сам Бог велел! Михайлич, велел тебе твой Бог в шабат или как?..

Оказалось, Федосов не так давно тоже был пациентом Александра Михайловича. Аппендикс, отсюда и знакомство.

— Ну, что, мужики, по коням? Здесь у меня на тройную уху хватит, слово джентльмена!..

Без особого желания Айтышев двинулся за Федосовым и врачом. Минули слепящую поверхность занесённого снегом озера, свернули на дорогу к дачным участкам. Она была основательно перемолота. Вместо наста — весенний крупчатый снег, а сверху, по прессованным следам отпечатавшихся крупных протекторов, похоже, прошли волоком брёвна.

— Строится кто-то? — поинтересовался Айтышев, всматриваясь вглубь участков, где находилась его банька. Отсюда уже было всё хорошо видно.

Зимой он банькой почти не пользовался — участки заносило снегом, не пройти и воды не подвезти.

Цела, слава Богу!..

Вместе с облегчением Айтышев почувствовал досаду. Что-то было не так, слишком гладко всё шло. В телевизионных сериалах такому, как он, давно бы устроили подлянку. По телефону бы, например, угрожали, подстерегли бы в подъезде, машину сожгли или ту же баньку.

По телефону — ладно, от стационарного они с Людмилой давно отказались, а на мобильник звонить — значит, засветиться, оставить свой номер. Но почему же так тихо, не достают? Это хорошо, конечно, однако Айтышев чувствовал себя уязвленным. Его не принимают всерьёз? Считают безобидным треплом?..

На вопрос о строительстве Федосов ухмыльнулся:

— Ванятки Волобуева дела. Он каждый день лес возит, бизнесмен наш неугомонный.

— Откуда? — Айтышев задержал на Федосове взгляд. Не потому, что тот по неизвестной причине всё время ёрничал. С недавних пор в посёлке можно было видеть свежие, пахнущие корой и скипидаром бревна: мужики тоже откуда-то возили.

— А кто его знает, Ванятка конспиратор известный. Говорит, бани на продажу буду строить, в городе на них, говорит, огромный спрос, настоящий бум, можно сказать!..

Дача Федосова напоминала скворечник, однако внутри оказалась довольно просторной. А главное, к ней было подведено электричество. “Ещё бы, — хмыкнул про себя Айтышев. — Своя рука владыка!” В его баньке приходилось пользоваться аккумуляторным фонарём.

Уху решили варить по-хантыйски. Окуней не чистили и не потрошили, лишь выдавили содержимое кишечника. На даче у Федосова оказалось всё необходимое, вплоть до рюмок. Когда вышили по первой, Александр Михайлович сдержанно удивился:

— Если ближе к городу, божжи давно бы всё вынесли, в том числе вилки и ложки. А почему нет — цветной лом!

— Здесь не балуют, здесь отношения патриархальные, — отозвался Федосов, проворно снимая с окуня кожу вместе с чешуей. Тут же с удовольствием облизал пальцы. — Другой вопрос, надолго ли. Прогресс штука такая, не все ещё на этот счёт въехали. Ждать манны небесной сейчас не приходится. Это коммунисты обещаниями избаловали, светлое будущее и всё такое, вперёд и выше!.. Ладно, как там народная мудрость гласит: “Между первой и второй промежутки небольшой!” Разлили и погнали!..

Раньше среди окончивших институты людей Айтышев чувствовал себя не в своей тарелке. Не то чтобы тушевался, но неуверенность была. Однако со временем понял: основа у всех одна, мужику с мужиком всегда найдётся, о чём поговорить. А то, что один умнее, а другой глупее — от образования или должности не так уж и зависит. Особенно это было заметно по женщинам: соберутся — по разговорам и не различишь, где директор школы, а где техничка.

И всё же к людям с высшим образованием Айтышев относился с уважением. Потому промолчал, когда Федосов заговорил о нём так, будто его рядом не было.

— Взять хотя бы этого персонажа! Наверняка не знает о Канте, даже имени не слышал, а пожалуйста!.. — Федосов, не глядя на Айтышева, ткнул в его сторону пальцем. — “Звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас”. Хорошо? Это как сказать! Когда у нас герр Иммануил жил? Во-о-т, в восемнадцатом веке! А сейчас какой, где поправочка на время, спрашиваю я вас, господа офицеры? Или всё остановилось, до основы дошли, постигли и poznали, дальше никак?

Айтышев весело посмотрел на Александра Михайловича. Ну, и разговоры! И выпил-то Федосов немного. Но врач, не отозвавшись на взгляд, с виновным видом спросил:

— Что, и звёздного неба уже нет?

— Ладно тебе, Михалыч, ты всё прекрасно понимаешь, не придуривайся!.. Вот он бьётся за кедрчак, посёлок на уши поставил, а что можно сде-

лать, если страна объявлена зоной свободной охоты? Власть сказала: “Ребята, дерзайте, кто может, — проблем не будет!” Какой, на хрен, нравственный закон, с чем его едят?! Самому подставляться? Персонаж ...пардон... против ветра, а это накладно: и брызги летят, и вонять будешь!..

Александру Михайловичу, похоже, стало неловко. Словно извиняясь за Федосова, он взглянул на Айтышева и хотел что-то сказать, но Федосов не дал:

— Стой, Михалыч, стой! Знаешь, что американцы говорят? Их философы, имею я в виду. Универсальной истины нет, в смысле, одной на все времена. То, что оправдывается на деле, — то и есть истина! Здесь и сейчас. Сегодня такая, завтра — другая, послезавтра — третья, главное, чтобы результат был, остальное — “бла-бла-бла”! Сотрясение воздуха!..

Прыгая глазами, беспрестанно меняясь в лице, выплевывая на стол кости, Федосов принялся рассказывать о городке, где жил раньше. У них было градообразующее предприятие, выпускавшее химудобрения. Во время перестройки удалось добиться его закрытия — в городке росли детская смертность и число выкидышей. Возглавлял движение учитель биологии, хороший знакомый Федосова. При Ельцине учителя избрали председателем горисполкома, потом мэром. Когда началась приватизация, предприятие открыли опять, у мэра оказался контрольный пакет акций. Детская смертность и число выкидышей снова подскочили, но речи о закрытии больше не шло.

Айтышев спросил:

— Это ты к чему? — Сидеть и молча слушать, как разглагольствует Федосов, было неприятно.

Тот на него и не взглянул. Продолжал с таким напором, будто убеждал не его с Александром Михайловичем, а кого-то ещё:

— Философия времени следующая: урви, возьми, стань богатым! Как — неважно! Россия — зона свободной охоты. И не надо на Путина всё сваливать, не надо! Он развал страны остановил, уже за одно это ему памятник из золота надо поставить. При коммунистах кто-нибудь выкнул бы насчёт кедрача? Да никогда! Валят — значит, так надо. Не наше дело, государству виднее. Сейчас хотя бы можно возникать, мнение своё иметь!..

— “А Васька слушает да ест”, — вставил Александр Михайлович и осторожно улыбнулся. После водки лицо у него всегда краснело, но как-то необычно, пятнами.

— И хрен с ним, с Васькой, пусть ест! Россия по-другому существовать не может. Коррупция, чиновники, суды — хрен с ними! На нашей почве другие овощи не произрастают. Убери — рассыплется всё к чёртовой матери! Для другого содержания другая форма понадобится. Понимаешь ты это, пролетарий? — Федосов неожиданно повернулся к Айтышеву, упёрся в него злым взглядом. Сейчас он особенно был похож на беспокойного, хищного соболя. — Героем себя чувствуешь? Все вокруг — в говне, а ты — в белом? Включи мозги, если они у тебя есть. Хочешь, чтобы страна развалилась на двадцать или там тридцать огрызков? Что тебе дороже, Россия или Кант, а?..

Федосов явно нарывался, но Айтышев отвечать не стал. Выпрямившись, застыл с неподвижным лицом. Он насторожился ещё тогда, когда пол под ногами стал мелко дрожать. А когда в дощатые стены дачи туго ударил звук мощного двигателя, быстро поднялся и вышел за дверь.

Федосов сказал правду. Мощный К-701 тянул связку строевого леса. В кабине, неотрывно глядя прямо перед собой, сидел Иван Волобуев. Айтышева он не увидел, хотя дверь дачи выходила прямо на улицу.

Насчёт тягача Иван мог с поселковым цехом ЖКХ договориться. А откуда брёвна? Неужели?..

— Какое, на хрен, гражданское общество! Развалится всё к чёртовой матери! — горячился Федосов, когда Айтышев вернулся в помещение. Александр Михайлович слушал, уклончиво отводя глаза. — Повторяю для тупых: новому содержанию понадобится новая форма! Знаешь китайское проклятие: “Чтоб ты жил в эпоху перемен”? Хватит, ребята, сыты! Приспособлявайся, а не выступай, слышишь, пролетарий? Что, самый честный? Рухнет страна — всем пец! Ориентируйся, возьми для себя! Думаешь, я от радости это говорю, *кайф ловлю*? Хрен вам!.. — Федосов на секунду умолк, потом с обидой сказал:

— Ладно, он пролетарий, но ты-то, Михалыч!.. Странно, что приходится объяснять элементарные вещи *анду*. Честно говоря, я о вашем племени был лучшего мнения.

Терпеливая снисходительность на лице врача перешла в смущение. Что такое “*анд*”, Айтышев не знал, но тон Федосова ему давно не нравился. Хамски себя ведёт, неуважительно. И матерится не по делу. Небольшой, но начальник, так следи за собой, держи себя в руках.

— Ты своих детей тоже этому учишь? — спросил он, чувствуя, как внутри начинает ползузабыто подрагивать.

Федосов вскинулся:

— А что, пусть неудачниками станут, *лузерами*?.. Спасибо, батяня, за подготовку к жизни! Новое поколение должно быть другим, а то не выживут. Это вам всё равно, недолго осталось, скоро лапты склеите. Будет тогда вам и нравственный закон, и звёздное небо, и кофий с какао в постель по утрам!..

Очень хотелось ему врезать. Айтышев даже знал, куда ударит. Но ни лежачего, ни сидячего бить нельзя, это он ещё в детдоме усвоил.

— Ну-ка, встань.

— Валерий, Валерий! — быстро всё поняв, Александр Михайлович поднялся, раскинул руки. — Да вы что, взрослые люди! Брось, Валера, мы в гостях!..

— В гробу я такого хозяина видел. — Айтышев с трудом оторвал взгляд от переносицы Федосова. Действительно, дурак дураком, когда выпьет. Зря они пошли к нему. — Ладно, Саш, ты как хочешь, а я домой.

Врач догнал его уже в посёлке. Сказал сквозь одышку:

— Вот такая судьба. А на вид вполне благополучный человек.

— Обычный прохиндей, — бросил на ходу Айтышев. — Член правящей партии. Сейчас всё начальство там, как раньше в КПСС.

Александр Михайлович мягко возразил:

— Не так всё просто, Валера. Он мне рассказывал о себе. С этим мэром они были друзьями, это потом ему пришлось уехать в нашу Тмутаракань. По сути, бежать. Попробовал, как в перестройку, поднять волну, чтобы завод закрыли. А поезд ушёл... Дело на него завели: экстремизм, подстрекательство и всё такое. Сам понимаешь, как это сейчас делается... В общем, разное в его биографии было.

Айтышев помолчал. Потом сказал:

— А я думаю, кается. Испугался, что не так себя вёл.

Александр Михайлович, о чём-то, видимо, подумав, пристально посмотрел на Айтышева. Но говорить ничего не стал.

7

В день собрания он вышел из дому за час до начала. Усидеть в четырёх стенах невозможно: внутри у Айтышева работает бешеный моторчик — с самого утра, когда оператор валочной машины предложил взять брёвна. Если не двигаться, не идти куда-то, не перекинуться с кем-нибудь словом, моторчик внутри пойдёт вразнос.

— Не забыла? — говорит он и строго смотрит на Людмилу.

— Что я должна не забыть? — не сразу отвечает жена и отводит глаза. Она прекрасно понимает, о чём речь, и только делает вид, что не догадывается.

— Ты это брось! — Лицо у Айтышева темнеет. Он знает, откуда это недоумение, и ему в очередной раз становится досадно. Как всё-таки жена переменилась в последнее время! До неё никак не дойдёт, что дело серьёзное. — В случае чего наденешь, в чём в лес хожу. Никаких костюмов. На ноги — унты. Поняла?

— Весной — унты?..

— Не твоё дело.

Жена смотрит на него и разве что головой не качает.

— Опять собрался людям глаза открывать? Ещё не надоело?.. Что ты меня позоришь? — Не будь она учительницей, начала бы кричать. Но в Людмилином голосе только усталость.

Айтышев не считает нужным отвечать ей. Баба, хоть и с высшим образованием. Для них главное, чтобы в гнезде было хорошо, остальное — по бабабану. А супружеский долг не выполняет!

На дворе опять солнце, голубой апрельский воздух, вытаявшая бетонка улицы. Но Айтышев почти не замечает этого — всё мимо. Мимо и первая невестка Светка, которая гуляет с Аришкой по уже подсохшим кое-где плитам. На внучке пуховый комбинезон, их с Людмилой подарок ко дню рождения. Айтышев наклоняется к внучке, заговаривает, фигуристая Светка смотрит косо — считает, что это он развёл их с Генкой. Дура, из-за одной только Аришки не стал бы! Он всю жизнь хотел дочку, а родились ребята.

Но и об Аришке он думает сейчас мельком, невнимательно. А когда видит машущего от своего подъезда здоровой рукой бывшего технолога Ваулина, отворачивается. Не нужна ему сейчас эта встреча — размагнитит, собьёт настрой. Жизнь в любой момент может превратить тебя в спонявого идиота, это так, да, хотя неправильно и горько. Но пока здоров — живи, не прогибайся, держись! А что будет потом — то будет, здесь уж от тебя не зависит.

О чём-то подобном он уже догадывался. Иван Волобуев со своим баннным бизнесом, свежие хлысты по посёлку, ещё этот оператор в оранжевом комбинезоне сегодня утром... Поэтому не особенно удивился, увидев возле Кузьмичёвых ворот десяток брёвен с медового цвета свежими спилами.

— Хороши? Первый сорт, прогонисты! — довольно говорит Кузьмич, появляясь из-за высокой глухой калитки. Смущения ни в голосе, ни в лице его не заметно.

Выступать на собрании Кузьмич теперь не станет — купили! — хотя Айтышев на него рассчитывал. И оттого, что Кузьмич неловкости не чувствует, Айтышев играет желваками.

— Нам что, от кедрача вообще ничего?.. — Кузьмич вроде бы оправдывается, но не очень. — Мне в стайке нижни венцы менять надо, а тут бесплатно предлагают. Отказываться, что ли?

Айтышев не отвечает. Сколько раз его в жизни подставляли, а всё тяжело, будто впервые.

Возле крыльца Дома культуры несколько чёрных иномарок — районное начальство уже прибыло. Здесь же милицейские “Газели”. Как водится, сначала пошли по посёлку. Цех ЖКХ, врачебная амбулатория, школа, детский сад “Солнышко”... Пообщаться с бюджетниками перед скорыми муниципальными выборами начальству не помешает. Не обойдут и экспедицию, но только офис — там уже чужая епархия, районному начальству не подвластная... Айтышеву всё это давно знакомо.

Он поднимается по крыльцу Дома культуры, сдаёт в гардероб куртку, хотя раздеваться здесь не принято — ДК холодный, строился давно, чуть ли не при Свиридове, с печным отоплением. Но Айтышеву важно, чтобы была видна его медаль за освоение недр Западной Сибири. Он здоровается со знакомыми, отвечает на шутки, но опять всё вскользь, невнимательно, моторчик внутри продолжает бешено крутиться.

— Здравствуйте, — подходит к нему девушка с микрофоном. — Я корреспондент районного телевидения. Вы не могли бы рассказать для нашей аудитории о нынешнем дне посёлка? Людям важно мнение заслуженного человека.

Вслед за девушкой проталкивается парень с камерой на плече, бросает на корреспондента взгляд — готов работать.

Айтышев хмыкает. На такое внимание к своей медали он не рассчитывал, она для своих. Лестно, конечно, но вряд ли станут эти ребята кусать кормящую руку. Хотя все может быть, не один же он такой.

— Предлагаю после собрания, — дипломатично говорит Айтышев. — Отвечу на любые ваши вопросы. Только уж не забудьте, ладно?

На лице девушки — лёгкое разочарование.

— Хорошо. — Она ищет глазами, к кому из поселковиков можно ещё подойти.

Рядом с Айтышевым появляется и как ни в чём не бывало протягивает ему руку Федосов. Айтышев удивляется: такому хоть плшой в глаза — всё Божья роса!.. Людей в вестибюле прибывает, обычно на собрание идут не

очень охотно, но сейчас всех интересует будущее экспедиции. Может, районное начальство сообщит что-нибудь обнадеживающее.

Петлеваный постарался, дал ценное указание. Вдоль стен — выездная торговля, как бывает только в дни выборов. За лотком с выпечкой, соками и шоколадками Айтышев видит Генку. Торгует, не стесняется, хотя это и не мужское дело. И совсем уж ни к чему расшитая серебром бархатная национальная шапочка на его голове.

— А где Альфия?

— На сохранение положили, вчера отвёз... Что будешь, ата? Рекомендую тёмный шоколад, московская фабрика, отменное качество.

— Ата... — Айтышев хмыкает. — Сейчас видел Аришку, красивая девочка растёт.

— У нас парень будет.

— Батыр?

— Да, батыр, — серьёзно соглашается Генка.

Выездная торговля — не единственная новость. Айтышев подходит к зеркалу, чтобы посмотреть, не скособочилась ли медаль, и видит в нём Валентину Галушко. Оборачивается. Валентина вышла из кабинета заведующей Домом культуры, на руках у неё двойняшки. Лицо раскраснелось, глаза далекие, рассеянные — Валентина вся ещё там, в кабинете.

Оказывается, туда целая очередь. Приём по личным вопросам?.. Раньше его проводили отдельно, специально приезжали работники администрации. Решили на этот раз провести перед собранием. Чтобы меньше крика и претензий было на собрании?.. Грамотно. Но для Айтышева плохо.

— Ой, не знаю! Ничего не знаю!.. — громко, на весь вестибюль делится Галушко. — Обещать-то обещают, сочувствуют, а как на деле будет? Восемь человек в трёхкомнатной, на головах друг у друга! Разве нет пустых квартир в посёлке? Да полно, сколько народу уехало!.. Ипотеку я не потяну, пусть помогают, будущих налогоплательщиков воспитываю!..

Валентина почти кричит, но больше по привычке. Похоже, в кабинете она добилась своего. Не сбавляя голоса, с детьми под мышками (так нести удобней) она уходит из Дома культуры.

Ещё один человек минус, отмечает про себя Айтышев.

Зато есть люди, которых лучше бы здесь не было. Нарядно одетые сотрудники ДК начинают приглашать всех в зал, и тут из задвигавшейся толпы появляется Лёня Соколкин. Он хватается Айтышева за руку, принимается с жаром трясти.

— Молодец! Молодец!..

Лицо у Лёни сияет, глаза безумные, руку он трясёт так, что того и гляди — оторвёт. Айтышев выдёргивает её, косится по сторонам, заметил ли кто. Хорош единомышленник!.. В зале он говорит пытающемуся сесть рядом Лёне:

— Здесь занято. Здесь тоже. Иди на задние ряды.

Первому, естественно, дают слово главе районной администрации. Тот начинает рассказывать, сколько за последние четыре года построено и отремонтировано в районе жилья, в каких населённых пунктах введены водоочистные комплексы и КОСы, сколько проложено километров подъездных дорог и каких успехов добились спортсмены. Конечно, и о патриотическом воспитании молодёжи тоже.

Глава районной администрации моложав, раньше возглавлял газоперерабатывающий завод. Это его первый срок в должности, но, похоже, не последний. Говорит глава и об их посёлке. Один из самых живописных населённых пунктов района — вековая тайга, река, озёра, отличная экология. Нет проблем с жильём, а это в районе редкость, в хорошем состоянии школа и детский сад. Но Дом культуры до сих пор без централизованного отопления — это плохо. В ближайшее время вопрос будет решён, средства выделены, есть фирма, которая готова их освоить. Выделены средства и на проектирование участковой больницы, врачебная амбулатория для такого посёлка — вчерашний день. Также есть фирма, которая освоит выделенные средства. Администрация знает о ситуации, в которой находится экспедиция, и готова помочь тем, кто хочет открыть собственное дело. Малый бизнес —

резерв, который необходимо задействовать, это рабочие места и поступления в бюджет.

— Если есть вопросы, я готов ответить, — заключает выступление глава и внимательным взглядом обводит зал. — Пожалуйста.

Какое-то время тихо. Это потом люди разойдутся, а пока начинать первым никто не решается. “Давай!” — командует себе Айтышев и поднимается.

— Вы так хорошо рассказали нам о нашем посёлке, будто бы мы не живём здесь, а прилетели с Марса. Большое вам спасибо!..

Айтышев чувствует, как замер зал, не зная, как реагировать: шутка это или издёвка? Видит подавшегося к главе района и что-то тихо говорящего ему Петлеванного. Петлеванный тоже в президиуме — сидит, как полагается на таком собрании, по правую руку от главы.

Айтышев ощущает в себе такую уверенность и силу, что пальцы, сжавшие спинку кресла впереди, продавливают дерматин, проваливаются сквозь него и поролон до металлической основы. “Спокойно! — радостно сдерживает он себя. — Спокойно!..”

— Давайте по существу, — говорит глава.

— Хорошо, по существу. Меня интересует, почему районная администрация не считается с мнением людей? Две недели назад мы написали коллективное письмо, реакции — ноль! Мы обращались в прокуратуру, реакции — ноль! Почему так, хочу знать?.. Вы красиво говорите про экологию, а у нас рубят кедрач, больше половины уже вырубил. Как людям жить? Как жить малоимущим? Вы знаете положение с заказами в экспедиции, скоро мы все малоимущими станем. Почему не можете остановить жуликов? У вас власть!..

Айтышев поворачивается к залу. Он обойдётся без купленных хитрованов, но интересно знать, как остальные отнесутся к его словам. У большинства лица внимательные, сочувствующие, но есть и насмешливые. Некоторые смотрят безразлично — этим всё равно, справедливость им не нужна. Кузьмича не видно, может, вообще не пришёл на собрание. Иван Волобуев сидит с постным выражением лица, смотрит прямо перед собой. Федосов прикипел глазами, подался вперёд, его хищноватое быстрое лицо заострилось ещё больше. Всплывают слова Александра Михайловича, когда они возвращались с дачи: о бывшем перестройщике, дорвавшемся до власти. “Точно! — озаряет Айтышева — Точно!..”

— Или вы не хотите ничего делать и специально не останавливаете воров? У самих рыльце в пушку — акционеры этого самого ЗАО, которое валит кедрач?.. А что, дело выгодное, кедровая древесина дорогая!.. Или откат отработываете, что разрешили? Чего молчите? Люди должны знать, кому спасибо сказать, кому в ножки кланяться!..

Теперь уже оглядываются на него. Весь первый ряд в зале занимает милиция, в основном немолодые, с животами майоры и подполковники. Всё, что происходит вокруг, Айтышеву врезается в память сейчас отчётливо и остро. В президиуме — директор экспедиции. Приблизив к главе района лицо в очках, он что-то говорит, как недавно Петлеванный. И этот характеризует его. Как — понятно.

— Вы говорите общие слова. Вы кого конкретно обвиняете?

— Вас! Вы руководитель, вы должны отвечать за то, что происходит в районе. Развели коррупцию, сволочи продажные!..

Зал, и раньше тихий, замирает. Такие слова начальству... В этой тишине слова главы района звучат особенно веско:

— Ваши обвинения в мой адрес безосновательны. Я подам на вас в суд за клевету и оскорбление.

Ответить Айтышев не успевает.

— На меня подайте в суд! На меня!.. — громко заявляет в дверях Валентина Галушко. И проходит в зал, останавливается перед сценой.

Она отнесла детей домой и вернулась. Для Айтышева это приятная неожиданность.

— Из комиссии уже приезжали, сказали, что мало у меня на одного ребёнка метража приходится. Заберём, говорят, в приют. Я при всех предупреждаю, ещё раз приедут — убью! Где это видано — у матери детей забирать! Са-

жайте!.. Раньше ореха наколотим, грибов наберём, ягод, а сейчас чего? Куда идти, где брать? Валерка Айтышев правильно говорит: как нам жить? Это ещё муж пока работает, а сократят?..

Айтышев подхватывает:

— Почему нельзя ничего добиться? Почему? Вон сидит с вами рядом, глазки опустил. Имущество экспедиции втихаря распродаёт, назначил себе зарплату, столько целая бригада не получает. Почему? Где справедливость?

— Правильно! — опять вступает Валентина. — Поносите советскую власть, а сами? Зажрались! По карманам всё рассовываете, вы ещё хуже!

— Что им наше мнение? С них как с гуся вода. — И Айтышев опять поворачивается к залу, повторяет недавно слышанное. Оно ему кажется сейчас таким горьким и точным: — “А Васька слушает да ест”!

— Верно, слушает и ест. Никак не нажрётся, — замечает кто-то в задних рядах.

— Порву!.. — вдруг раздаётся в зале. Это кричит Лёня Соколкин. — Медведев сказал, Путин сказал!.. Бороться!.. Коррупция!.. Калёным железом! Покажите мне!.. Медведев, Путин!.. Порву!..

С первого ряда на Лёню поначалу оглядываются с ухмылкой: вот дурачок, всерьёз принимает кремлёвские речи... Но ухмылки скоро исчезают. Вид у Лёни дикий. Те, кто сидит рядом с ним, отшатываются в стороны. Лёня продолжает несвязно выкрикивать, его пытаются успокоить. Наконец, два милиционера помоложе направляются к Соколкину, выводят его из зала.

— Вызовите медика, — распоряжается глава районной администрации, поднявшись и зачем-то одёргивая пиджак. Он неодобрительно смотрит на Валентину и Айтышева. — Критиковать все имеют право. Но надо иметь в виду, в зале могут находиться нездоровые люди... Какие ещё будут вопросы? Задавайте, я потом отвечу на все по очереди.

Айтышев не согласен. Приём известный: хочет заболтать, спустить на тормозах.

— А зачем откладывать? Отвечайте сейчас! Мы хотим знать, почему администрация не реагирует на коллективное письмо! — Полузабытое победительное чувство несёт Айтышева, он знает, от его напора и воли многое теперь зависит. Практически всё.

— Вот именно! — подхватывает Валентина. Но женщина есть женщина — сбивается на своё:

— Пособие на детей — слёзы, материнский капитал трогать нельзя, а как растить детей? Вы в магазинах давно были? Зайдите, поинтересуйтесь! Или у жены спросите. Сейчас что на взрослого купить, что на ребёнка — цена одна! Демографию они поднимают, рождаемость увеличивают!..

Одни в зале поддерживают её, другие хотят знать, что будет с экспедицией. Айтышеву и Валентине это тоже интересно, и они на время замолкают.

Ничего нового. Глава поднимал вопрос перед губернатором, но нефтедобывающие компании — давно уже коммерческие структуры, заставляя их делать заказы на разведочное бурение — значит, идти против принципов рыночной экономики. В Совете Федерации есть депутат от региона, он лоббирует государственное финансирование геологии. Наметились кое-какие сдвиги в этом вопросе.

Зал молчит. Хорошего мало.

— Надо рвать ногти, — раздумчиво говорит кто-то. То ли шутит, то ли всерьёз. Наверное, молодой. А куда уедешь, если семейный, здесь квартира и другой профессии нет?..

Глава администрации старается не упускать инициативы. Обещает сделать всё, что от него зависит. Снова предлагает желающим заняться малым бизнесом, открыть собственное дело. Поворачивает голову к директору экспедиции, может, тот хочет что-то сказать. Но директор опускает очкастое лицо, смотрит в стол и молчит. Его должность от выборов не зависит.

Поступают вопросы о тарифах ЖКХ, вопросы помельче. Генкин тесть, бывший заведующий ОРСовским магазином, а теперь его владелец, предлагает построить в посёлке мечеть. Он круглолиц, курнос, светловолос — и не скажешь, что татарин. Наверное, казанский. Как обычно, жалуются на ка-

чество воды. Когда начнётся строительство КОСов? Жидкие бытовые отходы сливают за посёлком, загадили лес. Правда ли, что после выборов вырастут цены на автобусные билеты до города?..

Всё, как всегда. Кое-где люди уже поднимаются и, стараясь не обращать на себя внимания, потихоньку выходят из зала.

Когда глава администрации начинает отвечать на поступившие вопросы, Айтышев следит за каждым словом. Его непримиримость и сила должны передаться другим. Как только в словах главы появляется пауза, он тотчас вклинивается. В голосе такой накал, что собравшиеся было уходить останавливаются в дверях.

— Прежде всего, я хочу поблагодарить вас... — неожиданно заявляет глава района и смотрит в листок перед собой. — Валерий Ильясович. Поблагодарить за то, что вы неравнодушный, болеющий за дело человек. Что близко к сердцу принимаете всё происходящее в посёлке. — Лицо главы администрации озабоченно-серьёзное. — Я взял на заметку ваши вопросы. То, что с кедром происходит, безобразно, если соответствует действительности. Я сейчас не готов ответить по существу, мне понадобится день-два, чтобы разобраться и наказать виновных, если таковые окажутся.

Айтышев не знает, как отнестись к его словам. Хитрит? Хочет сбить градус?.. На всякий случай заявляет:

— Я сказал правду. Можем пойти прямо сейчас на гриву, сами убедитесь. Предупреждаю, если валить кедров не перестанут, я подам в суд. Конкретно на вас! Вы покрываете коррупцию. Пилите бюджет и за откаты подкармливаете нужные фирмы!..

Последние слова он говорит почти наугад, хотя некоторые детали доклада главы администрации дают основания так думать. Но и теперь глава остаётся невозмутимым. Лишь первый ряд опять оборачивается к Айтышеву. Лица у милиционеров недобрые.

В вестибюле после собрания Айтышев чувствует, что он здесь особый, чужой. Люди, негромко переговариваясь, выходят из зала, их много, большинство досидели до конца. Но вокруг Айтышева — пустота. Никто от него не шарахается, но и не заговаривает, не шутит. Все стараются не встречаться с ним глазами. В том числе и мелькнувшая рядом девушка—телевизионный корреспондент. Не подошла всё-таки...

Айтышев усмехается. К такому отношению ему не привыкать.

— Я о тебе в историю запишу. Достоин! — говорит, внезапно появляясь, Кузьмич. Взгляд его не юлит, как у других, лицо в сивой щетине выглядит довольным. Кузьмич всё-таки был в зале, сидел, наверно, где-нибудь в задних рядах.

Айтышев смотрит на него высокомерно.

— Когда убьют, тогда запишешь. Тебе надо, чтоб человек пострадал. Так это скоро.

Домой он возвращается в одиночестве, попутчиков ему не находится. Неторопливо шагает, с удовольствием дышит апрельским воздухом, особенно вкусным после спёртого воздуха зала.

Перед подъездом своей “деревяшки” он вспоминает, что не взял фонарик. Но на улице ещё не стемнело, вряд ли кто в тамбуре его поджидает, светить в глаза не придётся. Просто на будущее надо иметь в виду: всё может быть.

Кедров вырубил и успели вывезти до распутицы. Глава районной администрации на Айтышева в суд не подал. Заявление на главу от Айтышева суд не принял. Айтышева никто не тронул.